

ИГРА В ИДЕАЛЫ

Том I

ИГРА В
ИДЕАЛЫ

МАРИНА ШАПОВАЛОВА

Марина Шаповалова

Игра в идеалы. Том I

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43651307

ISBN 9785005028532

Аннотация

Эта книга одна из тех, что хочется дочитать до конца. Действия романа происходят в альтернативном мире. Лондон, 18 век. Осиротевшая девочка решает вернуть родительские регалии. Но местная аристократия давно похоронила ее вместе с родителями. Оттого возвращение повзрослевшей Даманы становится скандальным событием. А еще находятся те, кому возвращение девушки совсем не на руку. Дамана будет находить ответы. Последствия этих откровений могут быть весьма непредсказуемыми.

Содержание

Игра в идеалы	5
Том I	6
29 марта 1770 года. Воскресенье	34
30 марта 1770 года. Понедельник	66
31 марта 1770 года. Вторник	105
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Игра в идеалы

Том I

Марина Шаповалова

© Марина Шаповалова, 2019

ISBN 978-5-0050-2853-2 (т. 1)

ISBN 978-5-0050-2854-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Игра в идеалы

Том I

Лондон, 1771 год

Меня зовут Дамана Брустер, и когда-то и я была человеком... И я хочу поведать свой рассказ.

Я родилась 5 декабря 1755 года в очень богатой, известной и уважаемой семье. Мой отец граф Джордж Брустер – младший был чуть ли не лучшим другом короля Эгберта, а мать графиня Милли Сьюзер – одной из самых прекрасных дам Лондона.

В детстве я походила на ангела: золотые волосы до плеч, серо-голубые глаза, не была очень стройной, но и полной – тоже. Родители меня любили и баловали. Как любой ребенок, я, добрая и веселая девочка, радовалась жизни. А почему мне не радоваться: забота матери и отца, прекрасное имение, плодородная земля, богатство и роскошь... Вкусом детства я насытилась всей душой. Жила как в сказке! Первые семь лет – безмятежные и сладкие, как у обычной аристократки...

Но будущее невозможно предугадать. Да и если бы мне заранее рассказали, что случится... Я, наверное, и не поверила бы. А зря.

Когда мне было семь лет, мой отец умер от страшной болезни. Это случилось 30 мая 1762 года. Вначале много денег ушло на лечение, которое не помогло, затем – на похо-

роны... Платить прислуге стало нечем, и всех пришлось рас-
считать. Доходы отцовского фамильного предприятия не по-
могали: все съедали налоги и быт. Мы с мамой продержались
два года, но позже пришлось продать наше имение. Выру-
чили не так уж много, купили маленькую квартирку, стали
экономить...

Года на два нам хватило бы денег. Но мама не работала.
Не могла, хоть и пыталась. Она очень сдала после смерти от-
ца, сходила с ума от горя. И начала пить. Напивалась каждый
вечер. Я не раз пыталась ее образумить, но безуспешно. Так
мы прожили около полугода.

Однажды вечером мама в очередной раз пропала. Ушла
выпить и не возвращалась целый день. В одну мрачную пят-
ницу нашли ее бездыханное тело. Мои самые страшные опа-
сения сбылись. Когда мне сообщили о смерти матери и о том,
что мне придется жить в приюте, я подумала: все. Моя жизнь
кончена.

16 октября 1765 года меня отправили в приют. Я провела
там пять лет. И это был суший ад! Хотя тогда я еще не знала,
как это – быть в аду. Жестокие дети постоянно издевались
надо мной. Но это лишь закалило меня. Теперь меня никто
не посмеет обидеть, я могу постоять за себя.

Вспоминать о приюте больше не хочу. Там я стала жесто-
кой и бесчеловечной и поняла, что смогу выжить во внеш-
нем мире, одна. Я решилась на побег! Знала и чувствовала,
что не пропаду. Пусть у меня нет друзей, зато в нашей старой

квартире под половицей спрятаны деньги, которые остались после смерти матери. На первое время хватит.

С четырнадцати лет я обдумывала план побега. Он не был идеален, но главное – результат. Я смогла улизнуть из приюта. Расскажу, как все было...

В ночь на 28 марта 1770 года я начала собираться. Все спали, кроме двух охранников, но все равно я старалась не шуметь. Тихо сложила вещи и украденные приютские бумаги о себе, открыла окно и спустилась на землю по водосточной трубе.

Лондонская ночь помогла мне: стояла тишина, а холодный туман был настолько густ, что в нескольких шагах ничего не разглядишь. Моросил дождь. Сквозь мрак чуть пробивалась полная луна и немного освещала дорогу.

Зная, что не смогу перебраться через высокую ограду вокруг приюта, я направилась к центральным воротам. Рискованно, но либо это, либо ничего. Я знала точное время, когда охранник территории обходил корпус. Затаилась в кустах и стала ждать.

Наконец охранник ушел. Я подбежала к огромным деревянным воротам, и – о нет, как я этого боялась! – они оказались заперты. Довольно глупо было надеяться на иное.

Я забежала в каморку, где жил охранник. Перерыла ее, но ключей я не нашла. И тут я услышала, что кто-то поднимается по лестнице. Без сомнения, охранник. В моей голове сразу же мелькнула мысль, что ключи у него. Я схватила

глиняную вазу и спряталась за дверь, встав на стул.

Низенький охранник вошел в каморку, потягиваясь и зевая. Его сладкая борьба со сном, конечно, трогала... Но ради выживания я была готова на все.

Спрыгнув со стула, я со всей силы ударила его вазой по голове. Ну и грохот! Охранник упал, из его головы пошла кровь. Он лежал неподвижно. Только через три дня из газет я узнала, что убила его. Какая досада...

Насчет ключей я не ошиблась: на поясе мужчины висела целая связка, штук двадцать. Схватив ее, я побежала прочь, к огромным черным воротам. Трясаясь не от страха, а от волнующего возбуждения, стала подбирать ключи. Где-то на шестом из них замок щелкнул, и ворота со скрипом отворились.

Переступая границу между детским адом и свободой – я торжествовала! Так должен чувствовать себя человек, ставший рыцарем. Наконец – долгожданная свобода! Я закрыла ворота снаружи на ключ и побежала к дороге. Рядом было болото, куда я и бросила ключи. Болото без жалости проглотило их, за секунду они скрылись из виду.

Я знала, что меня будут разыскивать, и решила изменить внешность. С семи лет я не подстригала волосы, и теперь они отросли ниже пояса. Надо бы укоротить их. С невзрачной внешностью я не стану бросаться в глаза. Об этом я думала, когда шла в надежде встретить повозку. Шансов было мало: проселочная дорога, пять утра...

Около часа быстрого и аккуратного шага и моя тюрьма осталась далеко позади. Около шести утра я услышала стук копыт. О чудо – это кеб. Он остановился, я села, назвала адрес нашей старой квартиры, и мы тронулись. Интересно: кебмен так странно покосился на меня, услышав, куда мы едем. Почему? Но я вскоре забыла об этом. Мерно стучали копыта, кеб покачивался из стороны в сторону, словно колыбель. Глаза закрывались сами собой, и в конце концов я уснула.

– ...Прибыли, мисс, – низкий, но молодой голос кебмена разбудил меня.

– Который час? – спросила я, протирая глаза.

– Полвосьмого утра, мисс.

– Подождите меня, пожалуйста, я скоро вернусь.

Вот он – столь знакомый дом. Здесь мы с мамой прожили чуть более полугода. Огромной волной нахлынули воспоминания. Я вспомнила первый день в этом доме и то, как ужаснуло меня наше новое жилье.

В доме явно никто не жил, что было мне на руку. За пять лет он очень постарел: разбитые стекла, наполовину снесенная крыша, покрытая плесенью незапертая дверь. Поднимаясь по лестнице, я боялась, что она вот-вот развалится. Меня продолжали терзать воспоминания – о маме, о страшных месяцах, пережитых здесь.

Я с ужасом задумалась, когда шла к нашей квартире: «А вдруг денег тут нет, ведь как-никак пять лет прошло? Вдруг их нашли до меня? И что тогда делать?» Но нет,

об этом я буду думать потом. Нужно найти эти деньги.

Я слегка повернула ручку двери, и вдруг она с громким треском отвалилась. Я очень испугалась и еле подавила крик, но потом мне даже стало немного смешно. Дверь открылась, заскрипев почти так же, как ворота приюта.

Внутри я увидела, что все наши вещи остались на местах. Всюду лежала пыль, все заросло паутиной, пахло сыростью, затхлым и спертым воздухом. Здесь всегда было неуютно... Однако, сейчас, когда я вырвалась из приюта и пришла в эту квартиру с определенной целью, я испытала своего рода – тепло. Вещей от нашей с мамой прошлой жизни у нас было совсем немного. Какая-то мелочь... Единственное дорогое что здесь было – антиквариатные высокие часы и мамины платья. Я даже удивилась, что никто это до сих пор не украл.

Перед зеркалом, на комод, стояла мамина шкатулка с косметикой... Подойдя к ней ближе, я сразу же погрузилась в воспоминания о том, как любила играть с мамиными побрякушками. Вспомнила, как это умиляло отца... Я взяла кисточку для подводки бровей. Ах, как грустно. Мне так не хватает тех времен...

Я протерла рукой пыльное зеркало и увидела свое отражение. Лицо бледное, как белая краска. Вместо волны густых золотых волос – тощая грязная косичка. Яркие серо-голубые глаза потускнели, налились кровью, в них видится боль, злоба, жестокость и жажда мести. Правда, мстить некому и не за что, но очень хочется испортить кому-нибудь настро-

ение.

Что случилось с моим телом? Я так худая, даже ребра выпирают. При росте в пять с половиной футов теперь я вешу, наверное, меньше сотни фунтов. Ужасно! Я никогда не хотела быть тощей, стройной – да, но тощей – нет. К тому же это совсем не модно.

Стоит изменить внешность. Но сначала – выспаться и снять где-нибудь комнату. Для этого нужны деньги.

Я положила кисточку на комод и подбежала к заветной половице. Сев на колени, я поковыряла ее. Пыль полетела во все стороны, попала в нос, я два раза чихнула. Засунула руку под пол, нащупала платок с деньгами, достала его и развернула. Все в порядке: деньги здесь. Какая радость! Я мигом вскочила и быстро пересчитала свои запасы. Все деньги до последнего пенни лежали на месте. Завернув их в платок, я решила быстрее идти к выходу.

Но остановили меня очень важные вещи. Я вспомнила, что под этой половицей, мама хранила все документы подтверждающие наши личности. Тогда я думала, что мама прятала их, чтобы не возвращаться к мыслям о смерти мужа и финансового краха. Но сейчас, я понимаю, что мама эти портреты и документы прятала совсем по другим причинам...

Более глубоко подумать о ее мотивах я не смогла, потому что засунув руку чуть глубже под половицу я нащупала другие свертки. Это сразу же меня отвлекло. Я нашла наши

портреты: папа, мама, я, вместе или врозь. Я взяла мой любимый, где мы втроем сидели за обеденным столом, такие счастливые.

И я вновь загрустила, на моих глазах почти проступили слезы. Но вместе с грустью ко мне пришла неопишущая ненависть ко всему живому. Не хватало воздуха, я стала задыхаться от злости. На портрете я счастлива! Я смеюсь, мое милое лицо так и сияет. А что теперь? Теперь я сижу на полу в какой-то обшарпанной квартире, совсем одна! Не имея ни малейшего представления, что ждет меня дальше... Но никаких радужных настроений у меня никак не могло быть! Все перспективы, что раньше лежали у меня в ладонях, несколько лет назад развеялись как прах... И его невозможно собрать обратно в плоть.

Я разозлилась и не стала смотреть остальные документ, картины, портреты. Я все небрежно швырнула обратно под половицу. Держа в руках только сверток с деньгами, опять направилась к выходу.

У двери я остановилась. Радость от найденных денег не заняла мой разум полностью, они даже как-то жгли руку. Я постояла две секунды, обернулась, медленно подошла обратно к половице. Поддев ее я увидела мой любимый портрет, который недавно держала в руках, рывком схватила его и побежала к дверям. До сих пор я не знаю, зачем я его взяла. Может, потому, что в моей черной душе есть светлая сторона? Нет, это вряд ли!

Кеб стоял на том же месте. Сев внутрь, я попросила отвезти меня в какой-нибудь дешевый трактир. Снова застучали копыта лошади, и снова меня стало клонить в сон. Только-только я начала засыпать, как кебмен, который сидел впереди, обратился ко мне:

– Простите, мисс...

– Да, – сонно сказала я, не открывая глаза.

– П-позвольте у вас спросить? – чуть запинаясь, учтиво спросил он.

– Э... ну попробуйте. – Я немного насторожилась и открыла глаза.

– Что вы искали в этом проклятом доме?

– Ну... – протянула я, удивленная любопытством лондонского кебмена. – Меня многое связывает с этим домом. – Не удержавшись, спросила: – А что?

– Простите. Я немного удивлен... Вы – и этот дом... Какая связь? – с недоумением спросил он, будто сам у себя.

– А почему это так удивительно?

– Вы не местная, сразу видно. Много легенд ходит про этот дом.

– Расскажите, – проговорила я неуверенно.

– О-о-о, это одна из любимых историй Лондона! – начал кебмен. – В 1764 году, – у меня замерло сердце, – в этот дом переехала одна молодая леди с дочерью. Рассказывали, что они были довольно богатые, но потом муж леди умер, и все пошло под откос. Переехав сюда, мать стала пить. Де-

нег им не хватало. Девочке доставалось от матери, та часто ее избивала, кричала, заставляла работать вместо себя. Хотя девочка была просто прелесть: умная, красивая, отзывчивая. Они прожили здесь недолго, где-то с полгода. Както раз ночью мать страшно напилась, опять закатила скандал, и дочь посмела ей довольно дерзко возразить. Леди пришла в ярость. Она схватила трость и стала избивать девочку до тех пор, пока та не упала без чувств. А мать опять ушла в самый ближний дрянной паб. В ту ночь шел ужасный ливень, и леди на обратном пути поскользнулась и ударилась головой об острый камень. Моментально скончалась. Дочь ее всю ночь пролежала без сознания на полу. Ее нашел почтальон, он позвал на помощь, и девочку отвезли в больницу. Дальнейшая ее судьба неизвестна. Кто говорит – жива, кто – умерла. Но теперь некоторые слышат, как по ночам в этом доме бродит призрак матери! Зовет к себе дочь, вечно просит прощения, говорит, что любит ее. Знаю, история похожа на выдумку, но это правда: я сам слышал крики. Вы, наверное, думаете, что я сумасшедший?

– О нет! – ответила я дрожащим голосом.

Меня затронул рассказ кебмена. Сколько в нем лжи! Мама никогда не поднимала на меня руку. И что за вымышленный почтальон?

– Я тоже немного верю в духов и другую мистику, – продолжила я (и это была чистая правда).

– Так что же вас связывает с этим домом? – все еще недо-

умевая, спросил мой собеседник.

– Я не из местных, это вы верно заметили, но... но... Я жила здесь как раз в шестьдесят четвертом. И я видела этих людей, мать и дочь: мой дом был напротив. Но... через три месяца я переехала в Оксфорд. С родителями. И сейчас я вернулась в Лондон. Одна. Учиться.

Врать я всегда умела, и довольно хорошо, это мой талант с детства. Кстати об учебе: в приюте нас обучали, и мне это довольно легко давалось. Но теперь-то я сбежала, и надо найти какую-нибудь школу.

– Вы видели эту несчастную семью? – кебмен был очень удивлен. – Расскажите!

– Да рассказывать особо нечего. Просто видела пару раз, и все. Выглядели мрачно, вполне мрачно. Похоже, в жизни им досталось. Вы... ну... вы с-случайно не знаете, как их зовут?

– Я надеялся спросить у вас. Но получается, этого никто не знает.

Я вздохнула с облегчением.

– Кстати, как вас зовут?

– Дамана... Дамана Брустер, – как я рада была произнести это вслух, на свободе.

– А я Карл. Приятно познакомиться!

– Да, мне тоже!

Мы немного помолчали. Потом кебмен все же решил продолжить разговор:

– М-м... Так вы сюда приехали без родителей?

– Да. Они хотели проверить, смогу ли я выжить сама, одна, без помощи и опеки.

Ну и нелепый я придумала ответ!

– Что же это за родители такие?

– Просто они ставят передо мной цели. Да, я сама так хотела. Хотела проверить, на что способна!

– Это интересно... – улыбнулся Карл.

Странно: когда я в первый раз увидела кебмена, мне показалось, что он похож на бревно. Такой же прямой (потому что держал осанку) и бесчувственный, словно его загнипотизировали. А сейчас Карл открылся с другой стороны. Он, похоже, веселый и разговорчивый. К тому же молод и, не скрою, красив. Правда, я на это не очень обращала внимания. Сейчас мне не до флирта.

Я поглядывала на Карла и думала: неужели на свете еще остались хорошие люди? Нет, не может быть: это притворство. Хороших людей не было, нет и никогда не будет. В детстве я думала, что мир – это рай, в котором все живут мирно и дружно, но от меня скрывали зло, коварство и расчет. Ничего не бывает просто так: все за отдельную плату. И такая система работает везде: в так называемой любви, в семье, на работе, между соседями...

Мы сидели молча, потом он сказал:

– Приехали.

Выйдя из кеба, я спросила:

– Сколько я вам должна?

– Нисколько.

– Как это понять?

– Я подвез приятного собеседника: это прекрасная плата.

К тому же... Вы такая воспитанная молодая леди...

Его обаяние не оставило меня равнодушной: я улыбнулась. И еще – впервые в жизни смутилась. Карл смотрел на меня так, как никто никогда не смотрел, с заботой и симпатией. Он ответил мне улыбкой. Чтобы не рассмеяться, я опустила глаза. Снова подняла:

– Очень мило с вашей стороны! Спасибо!..

– Не стоит, – он немного покраснел. – Я тут часто езжу, так что буду рад вас снова подвезти.

На это я ответила улыбкой. Карл поклонился, сел на козлы и уехал. Конечно, я могла расплатиться, но денег было в обрез. Пару минут я смотрела вслед кебу, потом направилась в постоянный двор. Трехэтажное серо-бежевое здание не походило на соседние дома, впечатляло, но не восхищало, по крайней мере меня. Оно было крупным, но скромным.

Войдя внутрь и миновав холл, я сразу же заметила хозяйку. Толстая женщина лет сорока сидела за стойкой и спала, похрапывая. Я подошла ближе, стуча каблуками по деревянному полу. Хозяйка не просыпалась.

– Извините?..

Храп только усилился.

– Извините! – повторила я громче.

Ответа опять не последовало. Только тут я заметила звонок и стукнула по нему три раза. Женщина проснулась.

– А... да... Что... – сказала хозяйка сонным голосом, зевая. Увидев меня, она оживилась. – Ох, клиент. Хотите снять номер?

– Было бы неплохо, – проговорила я.

– Сколько комнат?

– Одну, желательно с ванной.

– Милочка, у нас все номера с ванной. Хоть и маленькой.

– Все равно, лишь бы хватило денег.

– Найдем номер подешевле. С ванной и спальней.

– Замечательно!

– Вы к нам надолго?

Я усмехнулась и произнесла:

– Надеюсь...

Мы договорились о сделке, цена действительно была невелика. Конечно, на всю жизнь не хватит, но на полгода – вполне. И это с учетом расходов на еду.

Мне показали мою комнату №33 на третьем этаже. Обстановка скромная: маленький круглый столик на одного-двух человек, кресло, шкаф, комод с зеркалом и кровать. Не так уж и плохо!

– Вот, пожалуйста, проходите, – проговорила хозяйка, открывая передо мной дверь в спальню. – Комната просто чудо! – добавила она с восхищением.

– Да, действительно.

Я бы, правда, осталась бы здесь надолго... Но, к сожалению, меня скоро начнут искать и мне надо запутать следы.

– Меня зовут миссис Норрис. Если возникнут вопросы, обращайтесь ко мне, мисс... – она вопросительно посмотрела на меня.

– Дамана Брустер.

– Замечательно, мисс Брустер, – сказала миссис Норрис с мягкой улыбкой. – Вам что-нибудь нужно?

– Хотелось бы найти мыло, полотенце...

– О да, конечно. Прямо через дорогу есть лавка. Там же, рядом, книжный магазин. Кстати, бесплатная библиотека есть и у нас, на первом этаже.

Я всегда любила читать, читала все, что попадется в руки, потому библиотека меня очень порадовала.

Миссис Норрис отдала ключи и ушла. Она была на зависть подвижной для своих сорока лет и совсем не походила на трактирщицу. Очень открытая, приятная, и главное – ухоженная... Алкоголем, как и борделем, здесь и не пахло.

Я разложила пожитки в тумбочку и комод, спрятала деньги под матрас. После решила пойти купить мыла. На первом этаже миссис Норрис за стойкой читала газету. Я подошла ближе, но женщина из-за большой газеты меня не увидела.

– Кхе-кхе, миссис Норрис... – произнесла я.

– Ох, да, милочка. Я не слышала, как ты спустилась. Что произошло?

– Ничего. Я собираюсь сходить на улицу. Ключи сдавать?

– О, совсем не обязательно!

– Спасибо.

– Удачно прогуляться.

В ответ я кивнула, резко развернулась и вышла из парадной двери.

Погода резко изменилась. Если утром стоял туман, то сейчас он пропал, выглянуло солнце, все как будто расцвело. Появилось больше народу. Кто шел на работу, хотя на дворе стояла суббота, кто просто прогуливался, детишки бегали по лужам.

Судя по всему, было уже около двух часов дня. Одни люди ходили грустные, недоброжелательные, со злыми глазами. Другие – с искусственной, нарисованной улыбкой, и никто из взрослых не улыбнулся откровенно. Это слегка испортило мое настроение. Но дети были не такие. Они бегали, прыгали, веселились и смеялись. Я стала улыбаться, но потом вспомнила, как играла с мамой и папой на лужайке на заднем дворе нашего дома. И тогда улыбка сменилась тоской, тоска – угнетенностью, угнетенность – ненавистью, ненависть – злобой. Злобой такой же, как сегодня утром в квартире. Быстро придя в себя (на меня налетел маленький мальчик, извинился и побежал дальше), я вспомнила, что нужно купить мыло.

Перебежав через дорогу, я медленно, не спеша, направилась к лавке. Открыла дверь. Зазвенел колокольчик. Внутри никого не было. Из-за прилавка выскочил тощий старичок

лет шестидесяти.

– Чем могу вам помочь, мисс?

– У вас есть мыло?

Старичок посмотрел на меня пронизывающим взглядом. Его бородка будто растопырилась. Он выпрямился, сделал безразличное лицо и с гордостью проговорил:

– Да.

Еле удержавшись от смеха (такой он был напыщенный!), я купила мыла и зубного порошка. У аристократов обычно водились щетки для зубов. Но я перестала быть аристократкой и привыкла чистить зубы пальцем.

Выйдя из лавки, я тут же столкнулась с каким-то прохожим. Он явно куда-то спешил и грубо бросил:

– Смотри, куда идешь!

Мне это, мягко скажем, не понравилось. И я огрызнулась:

– Сам иди, куда шел!

В этих словах я выплеснула почти всю злобу, накопившуюся за день. Могу поклясться, что мужчина услышал меня: он даже обернулся, но продолжил свой путь. Наверно, был ошарашен, что я посмела перечить, и решил не продолжать спор. Мудро. На душе полегчало. Хоть на кого-то я выплеснула гнев.

Сейчас забавно, что тогда я, диковатая девчонка, обращала внимание на такие мелочи. Но представь, дорогой читатель, мое состояние! Я знала, что за стенами приюта есть люди, но я забыла, насколько они могут быть разными. Новые

или просто забытые ощущения ожидали меня на каждом шагу.

Окрыленная, я вернулась к постоялому двору. Уже в коридоре, остановившись неподалеку, я услышала, что кто-то кричит на миссис Норрис, а та отвечает тихо и забито. Я решила притаиться в арке и подслушать.

– Вы задолжали мне! – рычал мужчина.

– Всего за неделю, – тоненьким голосом отвечала миссис Норрис.

– Неважно! Его величество короля это не будет интересоваться!

– Но... Я вам выплачу деньги, честно.

– Каждый месяц! Каждый месяц одно и то же! Вы знаете, что делают с теми, кто не выплачивает нало...

Меня возмутила и разозлила его невоспитанность. Что этот грубиян может знать о короле – и уж тем более о его заботах!

Не знаю, что на меня нашло, но я выскочила из-за угла, где пряталась, и только раскрыла рот, как сразу же опомнилась. Мне не стоило появляться на глаза представителям закона.

Наступила гробовая тишина. У окна стоял среднего роста и возраста мужчина, плотный, лысоватый. Его выражение лица с яростного изменилось на любопытное. Он пытался разглядеть меня, но не мог: солнце било ему в глаза. Я мельком глянула в сторону миссис Норрис. Она стояла у стойки и смотрела на меня совсем иначе, будто бы увидела святого.

После короткого молчания я опустила голову и побежала к лестнице. Мужчина за моей спиной спросил:

– Кто это?

– Постоялец, – с мягкостью проговорила хозяйка.

– Ладно, даю вам время, так и быть. Я приду через три дня.

Я спокойно пошла к себе в комнату. Войдя внутрь, закрыла дверь на ключ и отправилась мыться. Вскипятила два больших чана, справившись с кухонной плитой. Хотя бы за это спасибо приюту. Похоже, я совершенно перестала быть аристократкой...

Наполнив ванну и разбавив кипяток холодной водой, я распутала и расчесала волосы. На удивление, это получилось легко. Но они были настолько грязными, что из зеркала на меня смотрела незнакомая девочка-брюнетка, хотя на самом деле я была светло-русая.

Я разделась и залезла в ванну. О-о-о, какое блаженство! Я мечтала об этом с первого приютского дня! Конечно, там нас мыли, но о горячей ванне оставалось только грезить.

Интересно, что сейчас творится в приюте? А вдруг они меня найдут? Вдруг миссис Норрис или этот Карл сдадут меня полиции? Ничего, спокойно. Я сбежала раз – сбегу и второй, и третий, и десятый. Нужно изменить внешность, чтобы мать родная не узнала. Хотя могу поспорить, что ни мама, ни папа и так меня не узнали бы сейчас...

Что за человек пришел за налогами? Сказал, миссис Нор-

рис задолжала за целую неделю, а вроде не похоже. Это место выглядит приличным. Интересно, сколько здесь постояльцев? И чем мне заняться, и стоит ли пойти учиться? Нет! Это глупо! Так меня рано или поздно разыщут. Выход один: учиться самой. Больше делать нечего. Одно только ясно: надо бы еще работу найти. Все мои умения сейчас бесполезны. Я прекрасно держусь в седле. Как-никак в три года посадили на коня! Перерыв был долог – целых пять лет, но от езды верхом отучиться невозможно. Стоит сесть в седло, как я все вспомню. Но какой от этого толк? В конный спорт не возьмут: я ведь женщина! У нас не так много прав... По-хорошему получается, меня даже близко к парламенту не подпустят. Что еще я умею? Читать, говорить на французском. Но все равно толку мало. Ладно, газеты полистаю, а там решу.

Закончив мыться, я оделась, завернула волосы в полотенце и спустилась к миссис Норрис. К моему удивлению, ее не было за стойкой. Я поняла, что надо постучать по звонку, так и сделала. Через секунду миссис Норрис выскочила из-за двери за стойкой, увидела меня и рассмеялась:

– Как ты перевоплощаешься! Что ты хотела?

– Ну... – Я боялась, что моя просьба прозвучит нелепо. –

Вы не могли бы меня постричь?

– Постричь? – переспросила миссис Норрис.

– Да.

– Но я не умею!

– Просто подровняйте волосы, и все. Обычно так и дела-

ют.

– А если будет криво?

– Неважно. Ничего страшного.

– Ну ладно, проходи.

Комната миссис Норрис была маленькая, но невероятно уютная и теплая, в ней не пахло сыростью.

– Садись вот на тот стул и займись волосами, – она протянула мне расческу. – А я пойду за ножницами.

Волосы хорошо расчесывались. Стоило мне закончить, как сразу пришла миссис Норрис.

– Постригать? Как коротко? – на ее лице сияла улыбка от уха до уха.

– Где-то чуть выше лопаток.

– Уверена?

– Да, – я начала нервничать.

Защелкали ножницы. Миссис Норрис тихо бормотала. Я сидела, не шевелясь, но глаза бегали туда-сюда, разглядывая комнату. На стенах висело много разных картин. И репродукции произведений великих художников, и любительские. И мне показалось, что эти картины – руки одного мастера. Очень даже талантливого, а я в этом кое-что понимаю. Я заметила портрет самой миссис Норрис. Слева висел портрет мужчины, а справа – маленькой милой девочки лет шести. Оба они были перевязаны черными лентами. Наверно, это ее муж и дочь; видимо, они умерли. Вот так потеря! Как не повезло! А слева от портрета мужа висел чей-то еще. Я не мог-

ла его рассмотреть, не могла повернуть голову, ничего не получалось.

– Вроде готово, – сказала миссис Норрис. – Ну надо же, даже ровно!

– Так быстро? – удивилась я.

– Да вот, смотри! – Она взяла меня за руку и так резко потащила к зеркалу, что я, вскочив, чуть не уронила стул. Жаль, но зеркало находилось в противоположной стороне от портретов.

– Здорово, правда? Смотри, как ровно!

Хозяйка стала оживленно стряхивать с меня обрезки волос.

– Да, действительно ровно. Интересно, как эта прическа будет смотреться, когда волосы высохнут?

– Мне тоже!

Счастливая миссис Норрис так и сияла.

– Большое спасибо! Я пойду к себе.

Веселое лицо миссис Норрис омрачилось. Она искала, как бы меня остановить, и попала в самую точку:

– Дамана, ты можешь со мной поужинать.

– Поужинать? – я обернулась. – Вы меня об этом просите?

– Конечно, если ты занята, я тебя не заставляю...

– О нет, вы не так поняли... Я с радостью.

– Отлично! – миссис Норрис опять засияла. – Отнеси полотенце и возвращайся, я как раз разогрею еду.

Меня покормят! Отлично. Жаль, не удалось разглядеть

портрет, но мне уже не так любопытно. Я повесила полотенце на место и пошла посмотреть на себя в зеркало. Интересно, что будет, когда волосы высохнут? Пойдет ли мне эта прическа, как в детстве? Ладно, подожду до завтра.

И тут я заметила портрет своей семьи. Его я положила на комод, перед тем как уйти в лавку за мылом. Может, лучше спрятать? Вдруг кто увидит. Да нет, ничего не случится. Подумаешь, узнают, что я – графиня Брустер. Интересно, кто-нибудь знает, что у графа Брустера-младшего есть наследница? Обо мне когда-то писали в газетах, меня видел сам король. А как же газетчики? Ведь это сенсация – граф умер, его жена и дочь пропали без вести... Меня должны были искать! Ладно, подумаю об этом позже. Пора к миссис Норрис.

Приближаясь к ее комнате, я все сильнее чувствовала ароматные запахи. Я не ела почти сутки и боялась упасть в обморок. Кружилась голова. В приюте я никогда так не голодала.

– Миссис Норрис!

– Я тут, заходи, – послышался голос из соседней комнаты. Там оказалось очень душно.

– Еду разогреваю, – объяснила миссис Норрис. Я понимающе кивнула. В сковороде что-то будто взорвалось. – Садись куда хочешь. Почти готово. Поможешь мне накрыть на стол?

– Да, конечно.

– Тогда бери это, – она указала на миску, – и неси туда,

где я тебя постригала.

Я унесла миску и вернулась.

– Возьми оттуда, – она кивнула в сторону шкафа, – две тарелки и два стакана.

Тарелок в шкафу было пять, как и чашек, и стаканов. И еще в нем стояли аккуратно сложенные сковородки, кастрюли, подносы.

– Бери графин с кипяченой водой, он тоже пригодится.

– А чай потом или как?

– Потом.

Я ушла из кухни и села за стол. Разложила тарелки, поставила стаканы. Чего-то не хватает.

– Миссис Норрис, мы забыли про вилки!

Хозяйка из сковородки переключивала еду в общую тарелку.

– Верно, – она обернулась. – Они в том же шкафу, только в правом ящичке. Возьми еще и ножи.

Я взяла два ножа и две вилки и положила их по правую и по левую сторону от тарелок. И села на свой стул. Через пару минут зашла миссис Норрис. Она аккуратно расставила еду и села. Мне не терпелось приступить к трапезе, как вдруг миссис Норрис предложила:

– Хочешь произнести молитву?

– Что? – я нахмурилась. – Нет, давайте лучше вы.

– Хорошо.

Она положила руки на стол и закрыла глаза. Я попыталась

сделать так же, но без особого желания.

– Спасибо тебе, Господи, за еду, – начала миссис Норрис. – За воду, что мы пьем, за твою помощь в трудные для нас времена. («Да как же», – подумала я.) И за все, что ты для нас делаешь. Аминь!

– Аминь, – произнесла я, еле удерживаясь от смеха.

Мы приступили к еде. Готовила миссис Норрис потрясающе. Почувствовав, что мой живот полон, я поблагодарила хозяйку.

– Ну, расскажи мне о себе, – сказала миссис Норрис, мягко улыбаясь. Мы сидели и потихоньку потягивали чай

– Мне нечего рассказывать, – отрезала я.

Но миссис Норрис оказалась очень настойчива:

– У каждого человека есть история, достойная рассказа.

Ее мягкой улыбке невозможно было противостоять.

– Меня зовут Дамана Брустер, мне пятнадцать лет.

Мою остроту явно не оценили. Миссис Норрис молча смотрела на меня и ждала. Я вздохнула и начала лгать:

– Приехала из Оксфорда, но до девяти лет жила в Лондоне. Лондон я почти не знаю, гулять по улицам меня одну не отпускали. Отцу предложили в Оксфорде хорошую работу, ну, мы и переехали. Меня постоянно опекали, ходили за мной по пятам, из-за этого я часто ссорилась с родителями. И три-четыре дня назад мне все чертовски надоело. Я заявила, что способна жить самостоятельно. Устроила скандал. Родителям надоело со мной ругаться, и они предложили

делку. Я еду в Лондон и живу сама, одна, но если дело пойдет под откос, они с распростертыми объятьями примут меня. Но постараюсь их не просить об этом. Не хочу обратно!

Неплохо я солгала, правда? Говорю же – это мой талант. Вранье становится особенно правдоподобным, когда вносишь в него скрытый смысл, что я и сделала.

– Вот такая история.

– Бедняжка! – воскликнула миссис Норрис.

– Почему же?

– Родители так жестоко с тобой обошлись. Отправили дочь в незнакомый город, одну – кошмар!

– Почему? Я сама этого хотела.

– И не жалеешь?

– Я вырвала для себя свободу! Как о ней можно жалеть?.. – воскликнула я с улыбкой.

– Что ж, тогда я восхищаюсь тобой! – засмеялась Миссис Норрис. – Значит, Дамана Брустер. Красивое имя, звучит. Где-то я его слышала. М-м-м...

Тут я засуетилась: вдруг она слышала о Брустерах! И решила отвести подозрения:

– Меня назвали в честь дочери Брустера-младшего. Помните, у графа была дочь, Дамана.

– Ах, да-да! Про нее еще трубили в газетах. Твой отец и лорд Брустер однофамильцы?

– Верно. – Я решила срочно менять опасную тему. – Ну ладно, хватит обо мне! Расскажите о себе.

Миссис Норрис улыбнулась:

– Мне нечего рассказывать.

– У каждого человека есть история, достойная рассказа, – повторила я недавние слова миссис Норрис.

Хозяйка улыбнулась еще шире и ответила:

– Меня зовут Лив Норрис, мне сорок два года.

Тут мы опять захохотали.

– Я такое уже говорила! – сквозь смех проговорила я.

– Я была замужем, – сказала миссис Норрис, успокоившись. – Мои муж и дочь погибли от оспы.

– О боже! Простите, я не знала. Мне очень жаль.

Мне стало стыдно и больно. Ведь та же оспа забрала моего отца. И от чахотки его лечили...

– Все в порядке, – махнула рукой миссис Норрис, по-мрачнев. – Ничего страшного. Вернее... конечно, страшно. Но они погибли уже шесть лет назад. И у меня есть сын, ему двадцать. – Тут хозяйка просияла. – Он очень дорог мне. Я вас познакомлю, ты ему обязательно понравишься!

– Надеюсь. – Я обернулась и посмотрела на часы. – Ой, уже полдесятого. Спасибо за чай. Спать хочется. Пойду-ка я к себе.

– Уже? Так быстро? – раздосадованная миссис Норрис встала вслед за мной. – Мой сын скоро придет, может, дождешься?

– Нет, вряд ли. Я почти круглые сутки не спала и просто валюсь с ног.

Хозяйка проводила меня и пожелала спокойной ночи. Я, поднимаясь по лестнице к себе в комнату, вспоминала каждое слово, которое мы говорили друг другу. Мне миссис Норрис понравилась: приятная женщина.

Внутри комнаты меня неожиданно охватила паника и дикий ужас. Что будет, когда меня начнут искать? Я захлопнула дверь, заперла ее на ключ и прижалась к ней спиной. Мне никогда не было так страшно! Но чего я боюсь? Попасть в детскую тюрьму? Такого не случится! Я горда, независима, смекалиста и хитра. И в конце концов, в моих жилах течет кровь Брустеров! Наша семья боролась за свободу и независимость народа. Мой отец всю жизнь сражался с несправедливостью, король его поддерживал, а народ – любил и уважал. Просто отец не успел сделать все, что хотел. Увы, он умер слишком молодым. И неужели я, дочь великого человека, у которого не было границ, позволю запереть себя в четырех стенах? Нет, этому не бывать!

Успокоившись, я переоделась в сорочку и легла в кровать. Она оказалась довольно мягкой, а мне это не очень нравится. Спина не отдыхает, можно получить искривление. Но уснула я моментально и спала так крепко, что не увидела ни одного сна.

29 марта 1770 года. Воскресенье

Я проснулась под детский смех и чьи-то разговоры. Сонная, еле соображая, кое-как поняла, что я здесь не единственный гость. Встала, заправила кровать, переоделась, расчесалась и умылась. Можно спускаться на первый этаж. А вдруг... вдруг уже известно, что я сбежала из приюта?

Колеблясь, я подошла к портрету мамы и папы, которой стоял на комод. Мне не хватает семьи, как ни крути. Но ее нет. Из-за родителей, которые умерли. Но я их не виню. Хотя бы папа точно ни в чем виноват.

Я посмотрела в зеркало и не узнала себя. Совсем забыла, что постриглась. Я очень изменилась: лицо наконец-то перестало быть бледным и опухшим, глаза не налиты кровью, мешки под ними исчезли. И главное – волосы, они просто прелестны. На свету переливались золотом, даже были чуть-чуть рыжеватыми. Их новая длина мне понравилась больше, чем любая прошлая.

Хотя мое лицо просияло, в глазах до сих пор отражались злость и ненависть, потеря и мучения. И казалось, что я вот-вот расплачусь. Но вряд ли мне кто посочувствует – скорее испугается. Взглянув опять на портрет, я набралась смелость и решила спуститься.

Снаружи разговаривали. Я вышла и закрыла дверь. Звеня ключами, услышала, что голоса замолкли, и обернулась. Все

гости смотрели на меня. Я, замерев от неожиданности, разглядывала их в ответ.

На этаже было четверо взрослых и трое милых детей, на которых я обратила внимание в первую очередь. Два мальчика и девочка лет пяти-шести сидели на полу, играя в кубики. Справа от них стояла симпатичная девушка и чопорный молодой человек, видимо, ее муж. Им обоим было за двадцать. Видимо, один из мальчиков был их сыном – он сидел у ног своей мамы. Слева стояла женщина лет сорока, одетая очень строго, по-лондонски. Она ругала второго мальчика. Тот был хулиган – сразу видно.

Все молчали. Я почувствовала, что от меня ждут действий. И сказала:

– Здрасьте...

– Доброе утро, – хором ответили взрослые.

Опять настало молчание. Вдруг в разговор вступила женщина, гордо и невозмутимо спросила:

– Так вы новенькая?

– Да, – коротко ответила я.

– И давно сюда приехали?

– Вчера.

– И пропустили воскресную службу? – спросила более взрослая женщина.

– Это очень личный вопрос, – аккуратно ответила я.

– Добро пожаловать, – приветливо сказал молодой человек, сменив общее настроение.

– Спасибо.

– Вам тут нравится? – спросила нежным голосом девушка.

– Приятное место.

– Как вас зовут? – поинтересовалась женщина.

Тут я запнулась. Соврать или нет? Выбрала первое:

– Элизабет.

– Красивое имя, – сказала девушка.

– Спасибо, – ответила я. – А вас как зовут?

– Я мистер Смит, – представился молодой человек. – А это миссис Смит, – он указал на свою жену.

– Но ты можешь называть меня Кейт, – поправила она мужа.

– Миссис Тайлер, – представилась взрослая женщина. – Эта Чарли, – кивнула она в сторону мальчика, которого недавно ругала. – А это Сэмми и Лиза, – указала на малышей.

– Я Джон, – представился сын молодой пары, гордо вставая с пола.

– Рада познакомиться.

– Мы тоже, – проговорил мистер Смит.

– Тогда... увидимся, – сказала я, направляясь к лестнице.

– До свидания.

Как только я ступила на лестницу, они продолжили разговаривать.

Не знаю почему, но я просто обожаю детей. Особенно малышей, как Сэмми, Лиза и Джон. Они просто прелесть! Та-

кие смешные. Каждый из них по-своему выделялся. Сэмми – полный мальчик, очень неуклюжий: кубики у него постоянно падали. Зато лицо очень милое: кучерявые рыжие волосы, зеленые глаза. Сразу видно – очень добрый, но в жизни ему чего-то не хватает, как будто не до конца счастлив. Лиза – маленькая, полноватая. Она средняя между двумя братьями. Девочка была заплаканной – видимо, ее обидел Чарли, поэтому его мама и ругала. Чарли меня возмутил. Наглое лицо и обиженные глаза, будто его обвиняют ни за что, вызвали у меня неприязнь.

Чарли и Сэмми – братья. И они походили глазами, волосами и чертами лица друг на друга и на маму. А Лиза, видимо, пошла в отца. У нее были черные, чуть вьющиеся волосы и карие глаза. Но больше всего мне понравился Джон. Его темные волосы и каре-зеленые глаза были такими же, как и у его мамы, а черты лица и смуглая кожа – как у отца. Джон выглядел смелым, уверенным и таким же чопорным, как его папа.

Миссис Тайлер показалась мне строгой и рассудительной. Похоже, так же она относится и к детям. От меня не скрылось, как сильно любит жену и сына внешне чопорный и невозмутимый мистер Смит. А Кейт – просто чудо. Красивая, добрая, милая.

Спустившись на первый этаж, я не увидела миссис Норрис за стойкой. Постучала в дверь ее комнаты. Никто не открыл. Я слышала внутри голоса, мужской и женский. Толь-

ко собралась войти – но не тут-то было. Дверь очень резко распахнулась и ударила меня прямо по носу. Я отскочила, опустила голову так, что волосы закрыли лицо.

– Ой, простите! Я не заметил вас!

И тут я увидела хорошо знакомого юношу:

– Карл? Что вы здесь делаете?

– Вы знаете меня? – Он сдвинул брови, вспоминая. – Дамана?

– Нет, святая дева!

У меня пошла кровь из носа.

– О боже, – сказал он. – Что произошло? Я вас совсем не узнал! Просто другой человек.

– Спасибо, – пробормотала я, а кровь все текла и текла.

– Волосы стали светлыми... – Карл был настолько ошарашен, что ничего не замечал. – Были темнее... О боже, у вас кровь! Простите, я случайно! Мам!

К моему удивлению, откликнулась миссис Норрис:

– Да, Карл. Ты меня звал?

Он кивнул в мою сторону.

– Ах, вы уже познакомились. Что случилось?! Почему твое лицо в крови? Быстрее проходи сюда. – Она повела меня в комнату, Карл прошел за нами, закрыв дверь. – Карл, быстро принеси холодной воды! И салфеток!

– Что это значит – «мам»? – переспросила я.

Миссис Норрис не слушала. Она заткнула салфетками мой нос и намочила полотенце, чтобы вытереть мне лицо

и руки.

– Дамана! Простите меня, я случайно, – стал извиняться Карл.

– Ничего страшного. Переживу.

– Это он тебя так? – удивленно спросила миссис Норрис.

– Случайно, – оправдала его я.

Я запрокинула голову, прижав салфетки к носу. Карл пораженно смотрел на меня (я так изменилась!), а я – на него (он – сын миссис Норрис?). Я не выдержала молчания первой:

– Карл – ваш сын?

– Да, – ответила миссис Норрис.

– То есть вчера ночью вы рассказывали мне про него?

– Да.

– Вы обо мне разговаривали? – спросил Карл.

– Ну, вчера мы ужинали и приятно беседовали, – поясняла миссис Норрис. – Кстати, как насчет завтрака?

– Если вас не затруднит, – прошептала я.

– Отлично, – сказала миссис Норрис. – Я накрою. А вы пока поговорите.

Я сидела, запрокинув голову и все еще держа салфетки. Видела потолок и слышала шаги Карла. За столом было два стула, а он принес третий. Сел на него, и мы стали молчать. Потом я почувствовала, что кровь уже не бежит, убрала полотенце и салфетки. Не зная, куда положить их, я засуетилась. Это не скрылось от Карла.

– Ладно, не мучайся, – сказал он. – Давай сюда.

Он унес полотенце на кухню, вернулся, сел и стал на меня смотреть. Я делала вид, что не замечаю, но потом уставилась на него в ответ. Он улыбнулся так же обаятельно, как его мать. Я тоже улыбнулась, но больше с сарказмом. Карл стал давиться от смеха, но держался, словно не смел проиграть в гляделки. Мне тоже стало смешно:

– Что с тобой?

– Ничего. Просто я только что понял, что ты сказала. Насчет святой девы.

– Быстро же! У тебя всегда так?

– Я только двери резко открываю!

Карл захохотал, и я вслед за ним. Интересно, когда за последние годы я так смеялась?..

– Нет. Только если волнуюсь.

– Понятно. А еще понятно теперь, почему ты привез меня именно сюда. И почему ты часто работаешь в этих местах...

– Тебе тут не нравится?

– Место приятное. Ты и твоя мать так тепло приняли меня. Но я провела здесь слишком мало времени и пока не могу ответить.

– Да ты даже рассуждать умеешь?

– А ты – нет?

– Нет.

– Да ладно, брось!

– Как скажешь, Дамана.

Тут вошла миссис Норрис и обратилась к нам с Карлом:

– Вы мне не поможете?

– Да, конечно, – сказал он, еле оторвав от меня взгляд.

– И я, – отозвалась я, вставая со стула.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – спросил Карл, заглядывая мне в глаза.

– Да.

После этого уверенного ответа, Карл разрешил мне помочь. Мы накрыли на стол. Завтрак был традиционный, по-английски. Немного поговорили – в основном посмеялись над тем, как я сегодня познакомилась с дверью. Серьезных разговоров я старалась избегать. Не хотела, чтобы затронули тему моей семьи.

Я рассказала, что познакомилась с соседями и что назвалась Элизабет. Зачем? Чтоб объяснить это, пришлось снова солгать: мол, не хочу, чтобы лишние люди знали мое подлинное имя. Миссис Норрис сообщила, что это не все жители. Есть две семьи на втором этаже: семья Браун и семья Ричардс. У первых есть дочка Милли, подруга Лизы. У меня чуть не вырвалось, что мою маму звали Милли, но я вовремя придержала язык. Дочери Браунов было столько же, сколько и Лизе: около пяти лет. Семья Ричардс, мать и двое взрослых детей, жили скромно, выходили из комнаты только на работу или в город по делам. Они приехали в Лондон десять лет назад, а раньше жили в графстве Эссекс. Матери по имени Колин было за пятьдесят, дочери Кире – двадцать три, а сы-

ну Питеру – девятнадцать. Дети уже работали, но денег семье все равно не хватало.

Еще Норрисы раскрыли мне тайну, что это не постоянный двор и тем более не трактир. Сами они называли это здание общежитием, миссис Норрис сдавала небольшие квартиры или комнаты. В доме есть общая гостиная, где все обычно и находятся, кроме Киры Ричардс. Около гостиной есть библиотека. Кстати, как раз туда сейчас мне больше всего хотелось попасть. В общежитии было три этажа, не считая маленького чердака, и десять комнат, которые сдавались, по пять на третьем и втором этажах. На первом, кроме общей гостиной и библиотеки, находилась общая прачечная.

На чердаке никто не бывал уже шесть лет, со дня смерти мужа и дочери миссис Норрис. Сейчас там лежали старые, ненужные вещи. «Но кто знает, может, он еще понадобится?» – заметила миссис Норрис.

Карл обещал показать мне гостиную и библиотеку сразу после завтрака. Мы убрали со стола. Когда я стояла у зеркала, миссис Норрис наконец-то произнесла:

– Дамана, у тебя замечательные волосы!

– Вы заметили, – улыбнулась я. – Я думала, вы ничего не скажете.

Она стала ходить вокруг меня с восхищенным взглядом:

– Тебе очень идет!

– Спасибо, миссис Норрис.

– Ты меня удивляешь!

– Ладно, Дамана, пойдем, – напомнил Карл. – Нас ждет библиотека.

– Ах, да, – ответила за меня миссис Норрис. – Не буду вас задерживать.

Мы вышли из комнаты и повернули направо, а потом еще раз направо. В глубине, за небольшой аркой, как будто в коротком туннеле, виднелась деревянная дверь. Открыв ее, Карл пропустил меня вперед. Мы попали в гостиную.

– Это гостиная, – подтвердил мою догадку Карл.

– Понятно, – откликнулась я.

В большой теплой уютной комнате с картинами на стенах легко помещалось много народу. Все остальные комнатки были куда меньше. Полукругом стояли два дивана и три кресла, а посередине – низкий стол с чашками и чайником. Под мебелью лежал уютный рыже-красный ковер. Слева в углу я увидела пять стульев и столик с карандашами, бумагой и красками. Гостиную освещало одно окно, но огромное, почти во всю стену, с рыжими занавесками и серым тюлем. Комната была как будто из красного дерева: при свете заходящего солнца она выглядела мягко-красной.

В гостиной были почти все семьи. Я увидела мистера Смита, который разговаривал, видимо, с мистером Брауном, так как других мужчин в общезитии не было. Браун оказался высоким и стройным, с русыми волосами и серо-зелеными глазами. В кресле миссис Тайлер читала газету. Рядом сидели и беседовали Кейт и какая-то женщина лет тридца-

ти. Наверно, миссис Браун. Она была стройной блондинкой с голубыми глазами, очень обаятельной, как и Кейт. Около них на ковре сидела Лиза и ее подруга Милли, маленькая стройная девочка со светло-русыми волосами и серо-голубыми глазами. Странно, я почему-то думала, что она похожа на мою маму, но ошиблась. Мама была стройной, высокой брюнеткой с карими глазами. Милли походила на меня и на моего отца, потому что мне досталась его внешность: волосы, глаза, черты лица и немного веснушек. Девочки играли в куклы. За столом в углу сидел Сэмми и старательно рисовал, рядом Джон что-то ему подсказывал. Каждый нашел себе занятие. В гостиной не было только семьи Ричардс и хулигана Чарли.

Я разглядывала гостиную с открытым ртом, приятно удивленная. Карл смотрел на меня, улыбаясь. Так мы стояли минуты три. Потом он сказал:

– Тебе явно она нравится.

– Гостиная превосходна! – шепотом воскликнула я. – Кто построил ее?

– Мы с отцом, как и все общежитие. Хотя это больше заслуга папы.

– Вы просто молодцы.

– Спасибо. Ну, пойдем в библиотеку?

– Да, конечно.

У двери нас никто не заметил, но потом мы направились к библиотеке через всю гостиную, и на Карла обратили вни-

мание.

– Добрый день, – сказали мистер Смит и мистер Браун, пожимая ему руку.

– Добрый, – ответил Карл. – Добрый день, миссис Тайлер.

– Здравствуй, Карл, – на удивление мягко отозвалась она.

Карл кивнул Кейт и миссис Браун, они тоже поздоровались. Я стояла около Карла, рассматривая комнату.

– А где твоя мама? – спросила миссис Тайлер.

– Не знаю, но она сюда скоро придет, – ответил Карл.

– Карл! – воскликнул Джон. – Он пришел!

Милли и Лиза бросили кукол и полетели к Карлу. Милли прибежала первая, так что Карл с необыкновенной легкостью подхватил ее на руки и опустил, а она засмеялась. Подросла Лиза и обхватила Карла за колени.

– А вы все хорошеете! – шутливо сказал он.

– Как полагается девочкам, – с некой гордостью проговорила Лиза.

Тут подошли Джон и Сэмми.

– А вы все растете. Так скоро меня перерастете, – обратился к ним Карл.

– Да, уже скоро, – сказал Джон.

Карл сидел на корточках рядом с четырьмя детьми и разговаривал с ними, будто о чем-то серьезном. Дети безумно любят его, а он их, это видно. Я наблюдала за трогательной картиной и улыбалась, впрочем, как все в комнате, не считая хмурой миссис Тайлер. И тут Джон сказал, заметив меня:

– Карл, ты уже познакомился с Элизабет?

– Элизабет? Какой Элизабет?

Он забыл, что я солгала насчет своего имени!

Мне пришлось срочно выкручиваться, потому что глядели на меня с недоумением.

– Очень смешно, Карл, – я сверлила его взглядом. – Это он шутит так, – обратилась я к взрослым, искусственно засмеявшись. Посмотрела на детей с мягкой улыбкой: – Конечно, мы знакомы. Я с ним познакомилась даже раньше, чем мы с вами. А вы мне не скажете, кто эта прекрасная девушка?

– Ее зовут Милли, – сообщила Лиза.

– Приятно познакомиться, Милли. Я Элизабет.

Тут Карл наконец-то все понял.

– Мне тоже приятно познакомиться, Элизабет, – сказала Милли.

– Да... Элизабет, нам туда, – сказал Карл, показывая на дверь справа.

– Да, пойдём, – отозвалась я.

– Элизабет, куда ты? Расскажи нам о себе, – попросил Сэмми, и все дети поддержали его.

– Ох, обязательно! Но вначале я схожу в библиотеку.

– А потом расскажешь, честно? – укоризненно спросил Джон. – Обещаешь?

– Да.

Я очень сердилась на Карла. Как он мог! Поставил меня в неловкое положение...

Мы пошли к библиотеке. Мой спутник открыл дверь и пропустил меня вперед. Внутри оказалась маленькая комната, вдоль четырех стен и в середине стояли шкафы, битком набитые книгами и журналами. Столько книг! Какая роскошь! Расставлены по темам: наука, география, история, французский язык, музыка, животные, художественная литература – классицизм, барокко, памфлеты... И, к моему удивлению, большой отдел был отведен военной темы. Вооружение разных стран, веков, народов... А в шкафу посередине обнаружили труды самых разных высоких жанров. Почетное место там занимали англичане Уильям Шекспир, Джонатан Дон, Джон Мильтон, Джон Локк, Джон Свифт.

Я постояла несколько секунд, потом молча пошла изучать книги по обложкам. Карл смотрел на меня непонимающим взглядом, потом сказал:

– Не понимаю, зачем тебе библиотека?

Не оборачиваясь, я продолжала искать интересную мне книгу:

– Это глупый вопрос.

– И все же ответь.

– Зачем людям нужны библиотеки? Наверно, чтобы читать.

– Неужели тебе это интересно?

– Неужели лучше показывать свою необразованность? Книга – это великая вещь, которая нас обучает. Ага, «История Англии XVII века» – наверно, интересная книга. Просто

так я сюда бы не пришла.

Карл был поражен:

– Ты любишь читать?

– «Химия XVII века» – не, это неинтересно. Да, я люблю читать. А ты нет?

– Ну, как сказать. Иногда.

– Кошмар, наше об... «Анатомия человека». Наше общество разлагается. Народ Англии надо учить.

– Ты осуждаешь королевство или меня?

– Да, и королев... «Великие полководцы» – это гораздо интереснее. Я королевство могу осуждать и обвинять. Ведь нет ничего проще, как найти проблему. Сложнее ее решить, к чему люди чаще бывают не готовы. Хотя Англия и считается одной из лучших стран мира... Учитывая, что сравнительно недавно мы купались в помоях и фекалиях.

– И что тебе не нравится в королевстве?

– Человек всегда будет недоволен отношением правителя к народу. Эгберт – хороший человек, но всегда хочется большего. Я возьму эту книгу почитать?

Карл, удивленный, что я говорю о короле, как о знакомом, не стал вдаваться в расспросы, а просто ответил:

– Да, бери, только не забудь вернуть.

Я наконец оторвалась от книг и злобно посмотрела на Карла.

– Предпочитаешь быструю смерть или медленную?

– Не понимаю?..

Я начала приближаться к нему:

– Все висело на волоске. Я солгала этим любезным людям, а ты хочешь все испортить? А что, если бы мне пришлось открыть свое истинное имя? Что бы они подумали? «Солгала насчет имени – значит, будет лгать и во всем остальном». Они перестали бы мне доверять! Мне стыдно было бы показаться им на глаза!

Я остановилась прямо перед Карлом с невинным, обиженным видом. Мне хотелось сыграть на его жалости, хотелось, чтобы он почувствовал себя виноватым, но впервые в жизни у меня это не получилось. Наверно, все было слишком наигранно. Он фыркнул и сказал, глядя прямо мне в глаза:

– Дамана, ты не из тех людей, которых волнует, что о них думают и говорят.

Я молчала. Карл был неправ: я всегда стремилась нравиться людям. Это мой недостаток, и зачем в нем признаваться? Я улыбнулась с расстройством и восхищением. Мы стояли друг напротив друга. Карл тоже улыбнулся:

– Ладно, пойдем. А что за книга?

– «Великие полководцы». Хочу научиться военной тактике у лучших и испытать на тебе.

– За что?

– За все хорошее. Я не хочу, чтобы они знали мое имя.

– Обещаю, от меня они его не узнают. Но за маму не ручаюсь. Вдруг мы сейчас выйдем, а там моя мама, она уж точно назовет тебя Даманой.

– Ты выйдешь первый, напомнишь миссис Норрис, а я появлюсь позже.

– Да ты стратег. Тебе эта книга ни к чему. Ты и без нее можешь стать командором!..

– Не хочу. Женщине это не к лицу.

Как только Карл вышел, я сразу же услышала крик миссис Норрис:

– Карл, а где Элизабет?

Она назвала меня Элизабет, причем без запинки. Я обрадовалась и вышла из библиотеки. Карл стоял недалеко от двери, разочарованный проигрышем. Я бросила на него хитрый, самодовольный взгляд и направилась к миссис Норрис:

– Вы меня звали?

Она взяла меня за руку и повела в центр гостиной.

– Ты знакома со всеми?

– Вроде бы да.

Все смотрели на меня и чего-то ждали. Миссис Норрис торжественно сказала:

– По старой доброй традиции нашего дома каждый новый житель должен рассказать о себе.

– Да, Элизабет, ты обещала, – вспомнил Джон.

– Зачем?

– Чтобы познакомиться, – объяснила миссис Норрис. – Мы все – почти, как одна большая семья.

Карл еле сдерживался от смеха: ему было ужасно интерес-

но, как я выкручусь.

Взрослые сидели в креслах и на диванах, а дети – на ковре. Они с любопытством ждали рассказа. Даже миссис Тайлер оторвалась от газеты. Я быстро продумывала, о чем опять солгать.

– Семья... я не знаю, что это такое. Меня зовут Элизабет Тейчер, мне пятнадцать лет. Когда-то я жила в Лондоне, потом мы с семьей переехали в Оксфорд. Мои родители решили проверить, смогу ли я жить одна. Я сама так захотела, так что жалеть меня не стоит. В любой момент родители могут забрать меня обратно. Все.

– Интересная история. Меня зовут мистер Браун. Приятно познакомиться.

– А я – миссис Браун.

– Рада знакомству.

– Что за книга у тебя? Ты умеешь читать? – назойливо спросила миссис Тайлер.

– Моя семья довольно богата, – ответила я. – Я достаточно образованна. Также я свободно владею французским и легко держусь в седле.

– Да ладно, – фыркнул мистер Смит. – Брось.

– Вы мне не верите?

– Нет, – сказала миссис Тайлер. – Никто здесь тебе не верит.

– Ну, тогда проверьте.

Миссис Тайлер дала мне легкие математические приме-

ры. Я очень быстро и верно отвечала. Потом она спросила:

– Кто написал Библию?

– Если верить ей, то Бог и человек, – ответила я гордо и с вызовом. – На самом деле много кто над ней потрудились. Переводчики, например, многое перевернули. Спорный вопрос: во благо ли себе или от безграмотности.

Все застыли в изумлении. Я продолжала, любуясь сама собой:

– Не сошла же книга с небес...

Многие посмотрели на меня с уважением. Как и позже узнала, раньше никто не смел перечить миссис Тайлер, а теперь у нее появился значительный соперник. Та не хотела сдавать позиций и продолжила:

– Ладно, допустим...

– Допустим? Вы что! – в возмущении сказала миссис Норрис. – Замечательная девочка!

– Хорошо, она знает элементарные науки, о Библии...

Но это еще не все.

Миссис Тайлер встала с кресла, швырнула газету на стол и направилась к книжному шкафу около двери в библиотеку. Я молча посмотрела на Карла: «Почему ты не показал мне этот шкаф?», а он пожал плечами: «Забыл».

Миссис Тайлер протянула мне синюю книгу и сказала:

– Сонеты Шекспира. Вот, прочитай этот, я знаю его наизусть.

Я замешкалась, и та посчитала это поражением.

– Вот и раскрылась тайна. – Миссис Тайлер повысила голос. – Ты не умеешь читать! Зачем ты нам морочила голову?!

Меня это привело в бешенство! Как можно быть такой мегерой? Я взглянула в книгу и стала читать четко, с чувством:

– Сонет 66.

Зову я смерть. Мне видеть невтерпеж
Достоинство, что приносит подаянья,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье,
И совершенству ложный приговор,
И девственность, поруганную грубо,
И неуместной почести позор,
И мощь в плену у немощи беззубой,
И прямоту, что глупостью слывет,
И глупость в маске мудреца, пророка
И вдохновения зажатый рот,
И праведность на службе у пророка.
Все мерзостно, что вижу я вокруг...
Но жаль тебя покинуть милый друг!

О-о-о, вкус победы! Как я люблю тебя! Джон захлопал в ладоши, его поддержали остальные.

Миссис Тайлер была поражена. Она пыталась выкрутиться из неловкого положения, а я лишь стояла, не двигаясь, и смотрела на нее, как победивший на проигравшего. Сна-

чала она тоже не сводила с меня глаз, но потом опустила их:

– Что ж, неплохо.

Затем миссис Тайлер подобрала газету и села обратно в кресло.

– Молодец, – сказал мистер Смит. Его поддержали остальные. Потом каждый занялся своим делом, продолжились разговоры. Миссис Норрис и Карл подошли ко мне.

– Ну ты молодец! – сказала миссис Норрис и перешла на шепот: – Я всегда ее недолюбливала, здесь никто не любит, но никому еще не удавалось ее поставить на место! Так держать. – Тут она перестала говорить шепотом. – Давай Шекспира, я и его поставлю на место.

Она улыбнулась каламбуру и удалилась. Я хитро смотрела на Карла.

– Ты хочешь, чтобы я тебе сказал: «молодец»?

– Карл, я от тебя вообще ничего не хочу, – ответила я, ехидно улыбаясь.

– Ладно, так уж и быть. Ты молодец.

– Отлично. Прямо камень с сердца. Пойду к себе почитаю.

– Нет, ты не можешь! – вдруг вмешался Джон.

– Это почему же?

– Почитай нам что-нибудь! – ответила мягким голосом Милли. – Взрослые заняты, кроме миссис Тайлер. Но она не будет нам читать.

– Она никогда не читает, – подтвердил Сэмми.

– Почему ты так говоришь? – спросила я. – Она же твоя

мама!

– Да, и мы ее любим, – ответил Сэмми. – Но она не хочет нам читать! Никогда!

Карл одобрительно кивнул. Я сказала детям:

– Ладно. О чем вам почитать?

– Про героические сражения, – сказал Джон.

– Нет, – возразила Лиза. – Про любовь!

– Фу-у-у, – сказал Сэмми. – О героях!

– Не обращай на них внимания, – сказала Милли. – Я хочу сказку!

– Нет, – возразил Джон.

– Да, – сказала Милли.

Разгорелся спор, в который втянулись и Сэмми с Лизой. Они подняли ужасный шум.

– Тихо, тихо! – не выдержала я. – Давайте сделаем так. Сегодня мы начнем со сказки, а в другой день, что-нибудь другое. Согласны?

– Да!

– Отлично! Пойду за книгой.

В библиотеке я стала искать сказку и засыпать Карла вопросами:

– Кто сидит с детьми, когда их родители работают?

– Когда как. Или мама, миссис Норрис, или миссис Ричардс.

– Но твоя мама говорила, что она почти не выходит из комнаты.

– По будням, когда все работают, она сидит в гостиной с детьми.

– А Кейт и миссис Браун работают?

– У нас все работают, кроме миссис Ричардс. Она получает пособие.

– А почему миссис Тайлер так вежлива с тобой?

– Как сказать... Я когда-то был женихом ее дочери. Она уехала в хорошо тебе знакомый Оксфорд год назад. Вестей не подает.

– Прости. Ты был обручен?

– Да. Ничего, не переживай. Сам я давно успокоился.

– Ты ее любил?

– Сложно сказать. Я был к ней привязан, так будет правильной. Но из всех женщин, что я встречал, она была лучшей. Ты нашла книгу?

– Вроде бы да. Сказка про какого-то щенка. Подожди, если тебе сейчас двадцать лет, то кебменом ты работаешь с пятнадцати?

– Да. А сколько тебе лет, прости за нескромный вопрос?

– Ничего, я уже привыкла. Угадай.

– Семнадцать?

– Пятнадцать. Не ожидал?

– Нет. Не удивлен.

– Чем сейчас займешься?

– Послушаю, как ты читаешь.

– Тебе интересна судьба этого щенка?

Я повернула книгу обложкой вперед. На ней был изображен несчастный добрый щенок.

– Еще как! Захватывающая, наверно, история.

Когда мы вышли, дети ждали меня на диване. Карл тоже сел, посадив себе на колени Милли, а я примостилась на стуле и стала читать.

Сказка оказалась довольно скучна, и, чтобы дети не потеряли интерес, я старалась читать с выражением и иногда изображала то, что происходит в книге. Считаю и Браунам я, похоже, понравилась, но миссис Тайлер оставалась сухой и неприступной.

Примерно в два часа дня я закончила читать. Дети расстроились и стали требовать еще. Но я сказала, что устала, пообещала почитать позже. До конца своей жизни я завоевала маленькие сердца этих человечков.

Настало время обеда, и Норрисы опять пригласили меня к себе. Отказывать не стала, потому что уже немного привыкла. Но при этом чувствовала себя неудобно перед миссис Норрис, чувствовала себя обязанной ей.

После обеда Карл ушел по делам, так что целый день я провела с Джоном, Сэмми, Лизой и Милли. Мы играли, рисовали, они мне рассказывали про свои семьи, а я с радостью слушала. Так я узнала больше о своих соседях.

Семья Тайлер – чистокровные англичане. Их отец умер от болезни. В те годы чума, оспа, чахотка убили много англичан. Миссис Тайлер всегда была очень строга; возможно,

потому и сбежала Салли, с которой обручился Карл. Салли была непокорной и не слушалась матери. Тяжелее всего расставание переживал Сэмми. Они были самые близкие друг другу люди, потому он до сих пор несчастен. У миссис Тайлер очень хорошая работа, она получает достаточно для матери-одиночки. Могла бы платить за учебу детей – но не хочет зря тратиться, как сама говорит; могла бы учить их сама – но занята шесть дней в неделю, не хватает времени.

Семья Браунов – англичане, но не чистокровные. Их некоторые родители приехали из Америки. Но всю жизнь Брауны провели в Англии и гордятся этим. Эмма хочет завести второго ребенка, мечтает о мальчике.

Смиты приехали с юга Америки уже достаточно давно. Там ужасная обстановка: враждебное, почти на грани войны отношение северян. Рабство. Кейт и мистер Смит не хотели, чтобы их сын там рос. Раньше они были очень богаты, потом разорились. Работают оба, и муж и жена, и денег хватает на пропитание и на аренду квартирки у миссис Норрис. Постоянного заработка нет, и Смиты не могут себе позволить дать сыну полноценное образование.

Так прошел этот день – день знакомства и представления. Все начали расходиться около десяти вечера. В гостиной стояла полная тишина. Я сидела одна в кресле, смотрела в темноту и прислушивалась. Кто-то идет, стучит каблуками – женщина. Какая женщина может не спать в этом доме так поздно? Конечно, миссис Норрис.

Открылась дверь. Я увидела ярко горящую свечу, а потом – и миссис Норрис.

– Ты еще тут? – спросила она. – Почему?

– Не знаю, – ответила я. – Просто сижу и думаю над тем, что сегодня было.

– Ты не ужинала. Хочешь, попьем чаю с круассанами?

Я поджала под себя ноги и сказала:

– Нет. Спасибо, почему-то не хочу.

– Ты еще тут будешь сидеть?

– Да, но недолго. Скоро пойду к себе.

– В темноте? Ну-ка подожди...

Миссис Норрис нашла свечу на столе, где рисовали дети, зажгла ее от своей и поставила на стол.

– Вот, теперь лучше. Ладно, спокойной ночи, Дама-на-Элизабет.

– Спокойной ночи, миссис Норрис.

Она закрыла дверь и ушла.

Свеча горела ровно, а я смотрела на нее, не сводя глаз.

Что сейчас происходит в приюте? Как мне заработать денег? Что будет, когда обо мне напишут во всех газетах и напечатают мои портреты? Вчера эти вопросы приводили меня в ужас, сегодня я успокоилась. Все мои мысли сами собой возвращались к Карлу. Неужели я влюбилась в него? А может, так и есть. Но два дня – слишком малый срок, чтобы влюбиться. Хотя его обаяние – нет, красота – могла привлечь любую. Почему мне так легко, когда я его вижу, и так тяжело

одной? Может, это не любовь, а простое влечение. Мне всего пятнадцать. А может, мне не хватает друга? Да, наверно, так и есть. А что тогда такое любовь? Я никогда ее не испытывала. Если это любовь, почему я отвергаю свои чувства? Говорят, любовь – прекрасна! Но и причиняет боль. Боль сильнее, чем пытки инквизиции! Но все же на любовь это не походит. В романах пишут совсем не о том. Ладно, время покажет. Он смотрит на меня так, будто раньше никогда не видел девушек; это что-нибудь значит? И почему меня так беспокоит то, что он был обручен?.. Неужели та девушка так и останется для него лучшей... Ведь сейчас мне хочется, чтобы Карл так говорил только обо мне!

С такими мыслями я пошла к себе. Взяв свечу, направилась к лестнице. Весь дом спал. Гробовая тишина заставляла идти тише. Вдруг я обернулась: мне показалось, что за мной кто-то идет. Но за моей спиной никого не было. И я продолжила подниматься на 3 этаж.

В комнате я зажгла другие свечи, переоделась и легла в кровать. Вдруг кто-то постучался. Неожиданно! Но меня это обрадовало: спать еще не хотелось. Слишком много впечатлений и мыслей в голове!

Я прямо в ночной рубашке ринулась открывать дверь. К великому удивлению, увидела... Карла. Стояла перед ним прямо в легкой ночнушке. Я никогда не смущаюсь, не смутилась и в этот раз. А Карл заметно растерялся и протянул:

– Э-э-э...

– Лень переодеться, – пояснила я. – Не пойми неправильно. Я довольно скромна, но не умею смущаться.

– Спасибо, что разъяснила.

– Пожалуйста. Что же тебя привело сюда в столь поздний час?

– Это, – он протянул мне книгу, которую я недавно взяла в библиотеке. – Ты, видимо, ее забыла, когда мы обедали.

Карл старался на меня не смотреть, отворачивался или глядел вскользь.

– Спасибо, что принес. – Я взяла книгу. – Слушай, мне сейчас нечего делать, может, сядешь, расскажешь о себе?

– Ты будешь в подобном облике?

– А что, лучше совсем раздеться?

– Я совершенно другое имел в виду, – пробормотал растерянный Карл.

– Я шучу. Накроюсь одеялом.

Он улыбнулся и перешагнул порог. Я села на кровать и укрылась. Но мое сердце чуть замерло! Портрет моей семьи стоял на комод, на самом видном месте. Карл пока его не заметил. Нужно убрать рисунок, пока не поздно. Я медленно подошла к комоду, открыла верхний ящик, где лежали мои бумаги, и переложила портрет туда. Последнее мое движение от Карла не скрылось – он спросил:

– Что это?

– Что – «что это?» – ответила я, вопросом на вопрос.

– Ну, ты положила в ящик. Это твоя семья?

– Нет, просто рисунок. Неважно. Где ты сегодня был?

– Были дела. Ну и по работе узнал, что послезавтра хозяин велел мне работать с шести утра до полуночи. Обычно я два дня работаю, потом два дня отдыхаю. Кстати, тебя бы познакомить с моим лучшим другом Томом Холлом.

– Почему?

– Он тоже любит литературу. Даже часто говорит стихами. Том мечтает стать писателем и актером.

– Стихами говорит – этим надо дорожить, – пошутила я, подобрав кривую рифму. – Могу поспорить, что в стихотворном турнире я выиграю.

– Он не так уж и плох. Впрочем, я не знаю, на что ты способна. Но если рифмовать будешь так же, как сейчас... То...

Карл помотал головой, улыбаясь.

– Шучу, Карл! Стихи – это не мое. А у тебя много друзей?

– Я знаю всех, и все знают меня. Такая работа. А вообще у нас есть своя компания, мы уже лет десять дружим. Это я, Том, Дэвид Профт, Дженни Рекс и Пэт Уэйс. Самый старший – Дэвид, ему двадцать один, а Дженни – младшая, ей семнадцать. Какое-то время мне очень нравилась Пэт, но потом я в ней очень разочаровался.

– Почему?

– Оказалась очень ветреной. А мне нужна верная девушка.

– Измена – это ужасно. И что, она тебе изменяла?

– Наша связь не успела стать достойной обручения. Так

что невозможно назвать это изменой, я вовремя все узнал. К Дженни я отношусь совсем иначе. Она вечный ребенок, ее невозможно не любить! Дэвид – самый мыслящий и смелый, ничего не боится. Том... ну, я думаю, ты сама решишь, кто из нас чего стоит.

Настало молчание. Карл пристально смотрел мне в глаза.

– А ты... – начал он. – Ты точно не дочь графа Брустера-младшего?

Я немного испугалась, но не подала виду.

– Что? Ты шутишь?

– Наверно, показалось. Просто, когда ты изменила прическу... ты... ты стала на него похожа.

– Чем это, интересно?

– Да всем! Цветом волос, глаз! Даже лицо похоже. Моя мама тоже заметила. Имя и фамилия совпадают. Как это понимать?

– А как бы ты хотел?

– Неплохо, окажись ты его наследницей. Граф был хорошим человеком. Погиб – и народу стало плохо. Конечно, есть и другие борцы и лидеры, но сэр Брустер был любимцем многих! Его планы разделял даже король. Так думают все англичане. А не согласны одни лишь богачи и эгоисты. Так что было бы неплохо. Но – преклонять перед тобой колени, учтиво разговаривать... Это не укладывается в моей голове.

Меня очень порадовали слова Карла о моем отце, о том, что я на него похожа. Я чуть не прыгала от радости, но не по-

давала виду. Хотя я еле сдерживала улыбку, от нее избавиться не удалось. Я решила этим воспользоваться:

– Согласна, граф был великим человеком. И оказаться на месте его дочери было бы для меня огромной честью – но, увы, я не его дочь. Неужели ты думаешь, что в моих жилах течет благородная кровь? Как глупо!

– Нет. Это не глупо. Твоя осанка, манера держать себя и чрезмерная гордость позволяют подумать, что ты – аристократка.

– Ты просто не видел меня с другой стороны.

У Карла стали слипаться глаза.

– Меня клонит в сон.

– Да, уже довольно поздно.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Карл ушел. Я встала погасить свечи и легла обратно в постель. Уснула я довольно быстро, а снов опять не снилось.

Говорить с Норрисом очень легко и приятно. И я наверняка смогла убедить Карла, что я не дочь графа. И все же у меня оставалось много вопросов. Когда мой отец умер, я с матерью еще жила в усадьбе. Нас постоянно осаждали газетчики, а когда мы рассчитали прислугу – их стало еще больше. Потом мама продала дом, и мы переехали. А газетчики будто сквозь землю провалились. Почему? Не понимаю. Загадка. Тут что-то неладно. Мы жили очень замкнуто. Мама никогда не давала мне газеты, говорила, нельзя читать

то, что там пишут; запрещала лишний раз выходить на улицу. Зачем? Чтобы мы не мелькали. Почему? Если бы о нас слышали, я уверена, король бы нам помог! Странно жить и не знать точно прошлого. Одни вопросы без ответов. А может, это и к лучшему? Нет. Нужно знать о прошлом, даже если оно не из лучших. Но думать об одном и том же нельзя. Жизнь продолжается, вопросов прибавляется, и надо отвечать на новые. Но при этом найти ответы и на старые...

30 марта 1770 года. Понедельник

Я проснулась около часу дня в хорошем настроении, даже не подозревая, что меня ждет. Умылась, оделась, причесалась и вышла из комнаты. Всюду тихо: все на работе. Спускаясь по лестнице, я слышала разговоры детей.

На первом этаже в коридоре никого не было. Я направилась в сторону комнаты миссис Норрис и ее сына. Но, проходя мимо стойки, заметила заголовок газеты: «Сбежавшая из приюта». Меня будто молнией пронзило. Я схватила газету, новую, еще не развернутую. Объявление обо мне было на первой полосе. Я открыла следующую – и ужаснулась! Мой портрет почти на всю страницу!

Я сложила газету и мигом побежала к себе в комнату. Прыгнув в кресло, я стала читать.

Сбежавшая из приюта

Сенсация! Сегодня стало известно, что некая Дамана Брустер сбежала из приюта. Она пропала примерно (точно установить не удалось) в ночь на 28 марта. И спустя два дня управляющие смогли сообщить об этом. Почему так поздно? Дамана Брустер оказалась умна: сбежав, она закрыла за собой ворота на ключ! А выйти оттуда другим путем невозможно. Пришлось ломать ворота.

Как же этой девочке удалось убежать? Каждый час охран-

ник обходил территорию приюта, и она воспользовалась этим. Судя по всему, Дамана искала ключи в сторожке. Комната была перевернута. Но самое страшное – она стала убийцей! Девушка ударила охранника вазой по голове настолько сильно, что он тотчас же погиб.

Я остановилась, чтобы успокоиться. Не может быть! Да, признаюсь, я его ударила, но он... он... он не двигался, у него из головы пошла кровь... Выходит, я убийца. Я убила человека! Нет! Что же мне делать?!

Я заходила туда-сюда по комнате. Мне стало страшно, но не из-за приюта, появилась причина посерьезнее. Я убила человека, и дорога мне уже в тюрьму.

Что делать? Я ведь не нарочно, случайно. Я не хотела его убивать. Не хочу жить с клеймом убийцы! Как это стыдно! Вдруг мои новые соседи узнают?

Я внимательно осмотрела рисунок в газете. Может, и не узнают. Они не видели меня такой. Хорошо, прямо камень с души. А как же миссис Норрис, Карл и продавец в лавке, у которого я покупала мыло? Надо рассказать все миссис Норрис. Я ринулась к двери. Нет, я потом. Дочитаю статью.

...Просьба всем, кто видел ее, обратиться в органы власти. Дамана Брустер, год рождения – 1755, выглядит старше своего возраста. Рост: 5,5 фута. Худое телосложение. Невзрачное лицо. Серые глаза. Темные волосы.

Приносим извинения за неточность данных. Беглянка украла все бумаги о себе. Если эта малолетняя убийца смогла обокрасть родной приют, то искусство воровства ей известно целиком и полностью. Предупреждаем, Дамана Брустер может быть душевно неуравновешенной, будьте осторожны! Еще раз просим тех, кто ее видел, сообщить властям.

Я села на кровать и, грызя ногти, стала размышлять. Кто бы мог подумать, что эта «малолетняя убийца» и есть дочь графа Брустера! Если бы королевство позаботилась о нас с мамой, ничего этого не случилось бы. Как поступить? Рассказать правду миссис Норрис и попросить ее не выдавать меня? Или сбежать и отсюда? Я думала долго и выбрала первое.

Выйдя из комнаты, я стала медленно, очень медленно спускаться по лестнице с газетой в руках. Недалеко от первого этажа услышала чьи-то голоса.

– Мне нужна хозяйка этого заведения, – сухо говорил мужчина.

– Это я, – сказала миссис Норрис. – А что вам нужно?

– Я инспектор Олсоп. Вы читали утреннюю газету?

– Мам, кто там? – спросил Карл, выходя из комнаты. – Ой, простите. Что-то случилось?

– Да, – ответил полицейский. – Так вы знакомы с сегодняшними новостями?

– С какими новостями?

– Про некую Даману Брустер.

Тут мое сердце бешено заколотилось, дыхание сперло. Наступило молчание. Миссис Норрис и Карл явно не ожидали услышать мое имя от офицера. Все, конец свободе! Они выдадут меня.

– Нет, мы ничего не слышали, – ответил Карл.

– Мы пока не читали газет, – добавила миссис Норрис. – А кто это такая? Ее в чем-то обвиняют?

Офицер стал рассказывать о моем побеге. Я была поражена. Почему меня не выдали? Карл, наверно, испытывал ко мне какие-то чувства. От этого не легче! Что, если его «любовь» пропадет, когда офицер закончит свой рассказ?..

Тот закончил. Настало гнетущее молчание. Миссис Норрис и Карл наверняка так разочарованы.

– Нет, этого не может быть! – сказала миссис Норрис, почти рыдая. – Какой кошмар!

– Офицер, – спросил Карл, – вы уверены в этом?

– Полностью. Так вы видели ее? Продавец напротив рассказал, что она зашла к нему, а потом направилась к вам. Это правда?

Опять молчание.

– Ну-у-у, – протянула миссис Норрис. – Позавчера заходила девушка подходящее под описание. Просила приюта. Но была такая грязная и невзрачная, что я не рискнула ее брать. Я сдаю комнаты приличным людям, и у каждой семьи есть дети... Она ушла и больше не возвращалась.

От радости у меня стали наворачиваться слезы на глаза. Я не верила в то, что слышала. Никогда не забуду этой доброты и при первой возможности постараюсь отплатить той же монетой!

– Вы видели эту девочку? – спросил офицер у Карла.

– Нет, я работал. Я кебмен...

Голос Карла был отрешенным и расстроенным. Вот тогда мне стало не по себе. Я словно не оправдала их надежд.

– Понятно. Последний вопрос. Куда ушла Дамана?

– Как выходишь из парадной двери, сразу же налево. Пошла вдоль зданий.

– Благодарю за сотрудничество. Если что-нибудь о ней узнаете, сообщите нам. До свидания.

– До свидания.

Офицер захлопнул дверь, и стали слышны голоса миссис Норрис и Карла.

– Правильно ли мы поступили, что покрыли преступницу?

– Не знаю, – ответил Карл, – не верю, что Дамана – убийца. Надо поговорить с ней.

Я вытерла слезы и вышла им навстречу.

– Дамана! – воскликнула миссис Норрис. – Скажи, что это неправда!

Карл смотрел на меня взглядом, полным негодования. Я понимала, что они хотели бы услышать о клевете, но ничем успокоить их не могла! Кто бы меня успокоил...

– Идемте ко мне, я все вам расскажу, не скрою ни слова! Обещаю...

Комнату я закрыла на ключ. Карл сел в кресло, а миссис Норрис – на кровать. Я отдала им газету, а сама стала прямо перед ними, глубоко вздохнула, набралась духу и начала:

– Я графиня Дамана Брустер, дочь и наследница графа Брустера-младшего. Твоя вчерашняя догадка, Карл, была верной.

– Дамана, это не смешно! – чуть не крикнул он. – Ближе к делу. Зачем ты убила сторожа?

– Не кричи, Карл, – сказала я внушительно. – Мне сейчас гораздо тяжелее, чем тебе и миссис Норрис вместе взятым! Шутить я не собираюсь. Я действительно графиня.

– Докажи, – сказала миссис Норрис.

– Слишком много совпадений, – ответила я. – Фамилия, имя, дата рождения, образование, аристократические навыки, черты характера, внешность. Почему я солгала остальным насчет имени? Избавить их от мысли, что я – та Дамана Брустер. Сейчас, когда мое имя всплыло в газетах, они не подумают, что это я. Но если все равно сомневаетесь – вот вам последнее доказательство.

Я подошла к комоду, где вчера спрятала портрет своей семьи.

– Карл, помнишь, я вчера убрала сюда какую-то бумагу?

– Да.

– Это портрет семьи Брустеров. Моей семьи.

Я отдала Карлу портрет. Миссис Норрис подседа к нему. В их глазах я видела удивление, восхищение и недоумение.

– Я, правда, там совсем маленькая. Но все равно немного похожа. Мне здесь шесть лет. Через год умрет папа, и начнется самое страшное.

– Но как, – спросила миссис Норрис, – как это возможно? Графиня Милли Сьюзер и ее дочь пропали без вести?

– Без вести? Мы никуда не пропадали, – с недоумением ответила я. – Расскажите мне, что известно о семье Брустеров после смерти графа?

– Немного, – ответила миссис Норрис. – Милорд Брустер умер от болезни, скорее всего, от оспы.

– Именно от оспы?

– Никто не знает наверняка, – сердито проговорил Карл. Он был очень зол. Встал с кресла, подошел ко мне. – Тогда объясни, почему ты жива?

Этот вопрос поставил меня в тупик. Я молчала.

– Отвечай!

– О чем ты говоришь? – медленно спросила я.

– Ты знаешь, о чем! Почему ты жива, раз ты графиня Брустер?

– Я не понимаю, о чем ты, Карл! Что ты имеешь в виду?

– То, что Милли Сьюзер и Дамана Брустер умерли! Они похоронены!

У меня сами собой опустились руки, дыхание перехватило. Видимо, я побледнела: Карл, увидев перемену в моем ли-

це, миг стал более мягок.

Посмотрев в пол, я шагнула назад. Меня кто-то похоронил?.. Я не знала, что и сказать.

– Дамана! – вопросительно и обеспокоенно окликнул меня Карл.

Я взялась за голову. В ней зародилась такая тяжесть, которую я никогда не испытывала. Обрывисто выдохнув, я спросила:

– Даману Брустер и Милли Сьюзер похоронили?

– Об этом писали в газетах, – пояснила миссис Норрис.

В приюте мы в глаза не видели газет. Но у меня не было сил объяснять это миссис Норрис и Карлу.

– Но король знал моего отца как лучшего друга. Эгберт уважал мою мать... Как он позволил это сделать?

– Ты как никто другой должна знать, что король в Англии полной власти не имеет, – ответил Карл. – Есть еще парламент.

– Да, это правда, – сказала я. – Но уровень авантюры – сомнителен...

– И все же вернемся к тебе и твоей матери, – сказала миссис Норрис. – Я читала в газетах...

– Вот почему...

Я поняла, почему меня высмеивали в приюте, когда я говорила, что я графиня.

– Простите, миссис Норрис. Что вы хотели сказать?

– Я читала в газетах, что графиня Милли Сьюзер продала

дом и переехала с дочкой в неизвестное место. Они жили тихо.

– Они просто пропали без вести, – добавил Карл.

– Умерли? Мы не умирали!

– Значит, ты жива, твоя мать жива! – радостно воскликнула миссис Норрис.

– Нет, – ответила я. – Она мертва.

– Я совсем запутался, – не понял Карл.

– Я тоже, – подхватила миссис Норрис.

– И мне не легче, – сказала я.

– Ладно, рассказывай, кто ты такая, – предложил Карл. – Только по порядку.

– Да, – подтвердила я. – Думаю, так будет лучше. Я родилась пятого декабря 1755 года. В 1762 году меня умер папа.

Я коротко пересказала, что со мной и мамой происходили после смерти отца. Мои слушатели внимали каждому слову, практически не дыша. Я продолжала:

– Когда мы жили в усадьбе, нам не давали покоя журналисты, но как только мы переехали, они исчезли. Через день, после смерти мамы, меня отправили в приют. И странно, мне не давали никакой поблажки, а когда я пару раз заявила, что я графиня, меня просто подняли на смех! Из-за этого надо мной издевались, ядовито шутили. И однажды мне это надоело, и 28 марта я сбежала. Газеты не врут: я прошла через центральные ворота и забежала в сторожку за ключами. Я услышала, что идет сторож, и ударила его вазой по голове.

Я думала, он упал без сознания, но, как видите, я его убила. Взяла ключи с пояса охранника, вышла через ворота, заперла их и выкинула ключи в болото. Добралась до дороги, уходила прочь от этой тюрьмы. Там встретила тебя, Карл. И ты привез меня сюда.

Мой рассказ их удивил. Еще бы: кого не удивит подобная история! История про графиню, которая лишилась родителей, попала в приют и сбежала, случайно убив сторожа. Не верится, что можно убить случайно? Окажитесь на моем месте, и вы меня поймете.

К счастливому удивлению, лицо Карла было восхищенным. А миссис Норрис, похоже, до сих пор не могла поверить в волнующую истину.

– Подожди, – сказал Карл. – Ты сказала, что вы с матерью переехали в квартиру. В какую?

– В ту самую, про которую Лондон любит рассказывать истории, – ответила я загадкой, но они ее тут же разгадали.

– Ты шутишь! – воскликнула миссис Норрис.

– Нет. Этот портрет я взяла там. Там еще много вещей, дорогих мне. Хотите, поедem туда. Это будет отличным доказательством того, что я графиня... И что я жива.

– Нет, спасибо, – сказала миссис Норрис. – Я не горю желанием. И вам обоим тоже запрещаю.

– Ты нам запрещаешь? – спросил Карл. – Мама, перед нами стоит дочь всеми любимого графа!

Мать и сын переглянулись. Внимательно посмотрели

на портрет и на меня. И сделали, то чего я больше всего боялась. Нет, не отдали меня властям; они замешкались, не зная, стоит ли поклониться мне. Я нахмурилась и в возмущении сказала:

– О нет, только не это! Я не полноправная графиня. И вы не обязаны ничего подобного делать.

– Как угодно, – сказала миссис Норрис.

– Да о чем вы! Я все та же Дамана! – воскликнула я. – Не надо со мной так говорить!

– Но как же, – возразил Карл, – ты ведь благородная графиня!

Немного скептическую шутку я встретила равнодушным парированием:

– Достопочтенная графиня...

– Что?

– «Благородный» это обращение к виконту...

Карл осекся. Я не хотела его обвинять в невежестве или в некомпетентности, просто преподнесла это, как информацию. Даже не подумав о том, что могу кого скомпрометировать этим.

– Графы в иерархии стоят выше, – пояснила я, далее стараясь смягчить обстановку. – Но это совсем не важно. Забудь! Что я графиня еще нужно доказать...

– Ты отвергаешь свое истинное лицо, – воскликнула миссис Норрис. – Это неправильно! Ты должна быть в парламенте! И закончить то, что начал твой отец, – борьбу за народ.

Или... А, нет! По-моему, нет закона, который отвергает участие женщин в государственных делах.

– Есть, – подтвердила я. – Такой закон есть. И тем более, как я, «малолетняя убийца», могу бороться за что-то? Король не поверит, что я дочь его друга. Правда, я могу показать этот портрет...

– И не только этот, – добавил Карл. – Еще – многое из вещей, которые остались в твоей старой квартире.

– Допустим, докажу, что я графиня, а что делать с прозвищем «малолетняя убийца»? Меня посадят за это.

– Еще посмотрим, – сказала миссис Норрис. – Тебе сейчас пятнадцать, верно? Через несколько лет ты заявишь о себе. К тому времени все забудут о том происшествии. И народ будет так рад, что тебя никто не даст в обиду!

– Верно, – согласилась я. – Я ни разу не думала об этом.

– Графиня! – вздохнула миссис Норрис. – Кто бы мог подумать. Для меня честь принимать тебя здесь! За комнату можешь не платить.

– Нет. Я буду платить, хотите вы этого или нет.

– Благородно, – заметил Карл.

– Кровь водой не разбавишь, – откликнулась я, и впервые за долгое время мы дружно улыбнулись.

– Если ты желаешь платить за комнату, – продолжала миссис Норрис, – тогда позволь тебя хотя бы кормить.

– Мы настаиваем, – поддержал маму Карл.

– Вы великолепно готовите, – призналась я. – От этого

отказаться невозможно.

– Отлично, – подытожила миссис Норрис. – Так ты на самом деле знакома с королем?

– Я его видела пару раз. Это нельзя назвать «знакома». Он нас навещал не раз. Как в первый год правления, так и в последующие. Отец и король были приятелями еще до коронации Эгберта. С королем я лишь здоровалась и прощалась. Правда, он постоянно говорил, как я выросла и что хорошою с каждым днем. Очень приятно услышать такое от короля.

– Еще бы! – согласился Карл. – Я думаю, тебе надо писать автобиографию. И опубликовать перед смертью.

– Уже думаешь о моей смерти? – шутливо сказала я. – Не к добру.

– Нет, ты неправильно поняла...

– Я поняла, я просто шучу.

Мы с Карлом опять стали смотреть друг другу в глаза. И забыли обо всем, даже о миссис Норрис, которая сидела совсем недалеко. И она напомнила о себе:

– Нас тут трое...

Я обернулась, но по-прежнему чувствовала взгляд Карла на себе.

– Ради бога, – сказала я. – Я не против...

Наступило молчание. Карл смотрел на меня, я смотрела на миссис Норрис, а миссис Норрис смотрела на нас. Меня опять стали терзать вопросы о прошлом и о родителях.

– Дамана, – обратилась ко мне миссис Норрис спустя

некоторое время. – Карл. Пообещайте, что вы ни в коем случае не посмеете даже подумать о том, чтобы попасть в твою, Дамана, старую квартиру. Пообещайте!

Меня смутила ее просьба, ведь я только и думала о том, чтобы поехать туда. Возможно, там я найду ответы на свои вопросы. Я растерялась, украдкой глянула на Карла и поняла, что он хочет того же.

– О боже мой, – воскликнул Карл, – сколько времени? Мне пора идти.

– Куда? – спросила миссис Норрис. – Ты же сегодня отдыхаешь.

– Да, – ответил он, подходя к выходу. – Но я должен встретиться с Томом и остальными.

Я посмотрела на Карла с немой просьбой, чтобы он взял меня с собой.

– Да, Дамана идет со мной. Хочу ее познакомить с друзьями.

– Сначала дайте обеща... – начала миссис Норрис.

– Мы спешим, мам! – перебил ее Карл, и мы убежали.

– Интересно, как скоро они поедут в эту мрачную квартиру... – пробормотала миссис Норрис себе под нос.

Мы с Карлом со смехом вылетели на улицу и отчего-то свернули налево. Конечно, никакой встречи с друзьями не было. И мы шли куда глаза глядят.

Минут пятнадцать мы не разговаривали. Я дрожала, боясь, что меня кто-то узнает, и не поднимала лица, закрыв его

волосами. Мрачной волной меня накрывали тяжелые мысли об охраннике. К горлу подступала тошнота, моя голова кружилась и бросало в пот... Я убийца! И в момент, когда я почти готова была потерять сознание, меня словно кто-то погладил по голове и я вспомнила, как тот охранник надругался над одной из воспитанницей приюта. Как он бил детей за малейшие проступки! Я была уверена, что это меньшее из его прегрешений. Мне стало легче. И я посмотрела на Карла, который встревоженно смотрел на меня. Видимо я побледнела. Но вспомнив эти прегрешения охранника я смогла успокоиться и подойти к статусу убийцы, как к возмездью! Тягость во мне присутствовала, но я понимала, что просто должно пройти больше время и я не буду жалеть о содеянном. Как бы кошмарно это не звучало, дорогой читатель.

Я смогла коротко улыбнуться Карлу и мы продолжили прогулку. Навстречу и попутно шло много народу, но никто не обращал на меня внимания. И тогда я подняла глаза, но еще не смела ни на кого смотреть пристально. Но за мной не гнались, меня не узнавали. С каждой минутой я становилась все увереннее. А полную уверенность, как ни странно, мне принесли двое парней, которые смотрели на меня с вожделием, а не как на преступника, убийцу. Просто мы с Карлом случайно забрели в какой-то странный переулок. Но, минув его, попали в довольно приличный парк и присели на травку под деревом отдохнуть.

– Тебе на самом деле двадцать лет? – спросила я.

– Да, – ответил Карл. – А тебе пятнадцать?

Я кивнула.

– Ты выглядишь старше, – продолжил он, – лет на семнадцать-восемнадцать.

– Сейчас, для моего возраста, – это комплимент, но не смей мне так говорить лет в тридцать.

– Хорошо. Можно тебя спросить?

– Попробуй.

– Мы знакомы недолго, но этого времени мне хватило, чтобы поймать твой взгляд.

– Что?

Я не совсем поняла Карла и внимательнее вслушалась в его пояснение.

– Я имею в виду твой взгляд, когда ты одна или о чем-то думаешь. Очень сложно его описать. Он полон злобы. И главное даже не это. Главное то, что им ты способна внушать страх. Такой, что сердце сжимается, и хочешь рыдать. Но этим же взглядом ты умеешь подчинять людей. А вчера вечером, когда ты играла с детьми, в твоем взгляде была нежность, доброта. А иногда твое лицо говорит о мудрости и воспитанности. Ты одновременно пугаешь и вызываешь к себе доверие. Это невероятно странно. Как будто в тебе живут несколько разных людей. Ты словно бы не просто человек. Это меня и притягивает.

– О чем же ты хотел спросить? Нет, нет, конечно, я дога-

дываюсь, но не знаю, что ответить. Ты видишь во мне то, что я не замечаю сама. И я не люблю говорить о себе. У меня появляется чувство, будто я открываю свои козыри раньше времени.

– В тебе столько чувств – а где же главное, любовь?

Я усмехнулась и сказала:

– Любовь мне неизвестна. Я прошла через все, кроме нее. Дамана никогда не любила, и ее никогда не любили. И дело не в том, что я не испытывала этого чувства. Я не позволяю себе влюбиться. Из-за любви совершают ошибки. После всего, что было в моем прошлом, я невероятно боюсь душевной боли. И я избегаю любви. Хотя в то же время я это понимаю, но это для меня сейчас настолько ничтожно...

– Сейчас?

– Да. У меня столько вопросов в голове, что я не могу их обдумать. Когда я задаю себе вопрос, появляется ответ, а на ответ возникают еще несколько вопросов, а на них – опять ответы... И так до бесконечности... Да и когда мне было влюбиться, Карл...

– Много вопросов? Значит, те истории о проклятом доме, которые все обсуждают, – полная чушь?

– Да, почти все.

– Расскажи про своего отца. Если ты не против.

– Ничуть. Конечно, больно вспоминать... Но это самые приятные воспоминания в моей жизни. Папа называл меня ангелом. И я действительно им была, делала все, чтобы уго-

дить родителям, чтобы они мною гордились. С самого детства мне говорили: «Делать не для себя, а во благо другим людям. А воздадут они тебе любовью». Но не настаивали, давали мне выбрать самой, как жить и что делать. Хотя я не смела противостоять отцу, не только из-за принципов, я была уверена в этих словах и до сих пор верю им. Отец всегда напоминал, что в моих жилах течет кровь Брустеров и что когда-нибудь я займу его место. Кто бы мог подумать, что все так обернется! Однажды, точно не помню когда, началось народное выступление, народ бунтовал. Чтобы попасть к правительственной резиденции, нужно было пройти мимо нашего дома. Отец, конечно, знал, когда появятся люди. Он взял меня за руку и повел показать мне людей. Такого столпотворения я еще не видела. Народ разлился рекой. Отец гордо выпрямился и молча провожал их взглядом. Я смотрела на шествие и чувствовала, как горд сейчас мой отец. Почти под конец шествия он сказал: «Запомни, Дамана: сколько людей, столько и мнений. Если ты сможешь их хотя бы выслушать, то будешь уважаема. Если нет – то невиданная сила духа обрушится на тебя». Папа учил меня добродетельным поступкам, а мама – как вести себя и как следить за внешностью. Она всегда твердила, что женщина или девушка должна быть на треть негодяйкой. И опять же, я полностью согласна. Мама всегда, если хотела добиться цели, вела себя не то чтобы высокомерно, а как лиса. И вместе с этим она была невероятно красива!

– Да, это правда, – подтвердил Карл. – Ты тоже красива... Но красота у тебя – не матери.

– От нее я не унаследовала из внешности ничего. Возможно, немного характера. Я папина дочка.

– Знаешь, на самом деле твой отец тоже очень красив, так что ты ничего не потеряла. Хорошо, что вы похожи. Ты ведь действительно очень привлекательная, и даже больше...

– Спасибо, но я себя не считаю первой красавицей.

– Зря, очень зря. Твои родители очень хорошо смотрелись вместе. Бесподобная графиня Брустер-старшая...

– А кто младшая? – перебила я его.

– Как – кто? Ты!

Звание графини Брустер-младшей мне невероятно понравилось. Стало так хорошо на душе. Но не долго. Ведь сменяющая мысль была о том, что «старших» не осталось.

– Извини, я тебя перебила, продолжай.

– Так вот. Бесподобная графиня Брустер-старшая и красавец граф, когда появлялись вместе, будь то королевский бал или выезд, выглядели, как небесная пара. Помнишь, их так называли?

– Нет. Но прозвище они заслужили по праву.

– А как они познакомились?

– О! Это было прекрасно...

– Карл!

Карл, видимо, хорошо знал эту милостивую девушку, перебившую меня. Встал и поцеловал ее в щеку. На вид ей бы-

ло лет шестнадцать, и на меня она внимания не обратила. Я тоже не показала вежливости: даже не встала, а сидела, как сидела, и ждала, пока меня представят.

– Познакомьтесь: Дженни Рекс, – сказал Карл, указывая на девушку. – А это Да...

Я вскочила и протянула Дженни руку:

– Элизабет. Я Элизабет Тейчер, – повторила я специально для Карла. — Приятно познакомиться.

– Да, – ответила Дженни, пожимая мне руку, – мне тоже приятно. Я тебя раньше здесь не видела?

«Видела, и не раз...» – подумала я.

– Элизабет приехала в Лондон три дня назад, – ответил за меня Карл, – и поселилась у нас в доме.

– Достойный выбор, – сказала Дженни, широко улыбаясь. – Как тебе Лондон?

– Потрясающе.

– А где ты раньше жила?

– В Оксфорде.

– Тоже большой город! Сколько тебе лет?

– Пятнадцать.

Меня удивили эти расспросы, впрочем, как и сама девушка: такой быстрой речи я еще не слышала. Я вопросительно посмотрела на Карла. Он, чтобы отвести внимание Дженни от меня, спросил:

– Что ты тут делаешь?

Дженни запнулась, но ответила:

– Я... Я гуляла с Пэт, и мы решили найти вас и тоже пригласить, но чтобы быстрее собраться, мы разъединились, было это примерно в... примерно... не помню, минут десять назад, не так уж и долго, но достаточно, Пэт пошла за тобой на постоянный двор, к тебе, а я должна была идти за Томом и за Дэвидом, но встретила тебя и теперь не знаю, как поступит Пэт, хотя твоя мама, я думаю, должна передать ей, что ты ушел гулять, и она одна придет туда, где мы обычно собираемся, представляешь, как удивится, когда я приду с тобой, с Томом, с Дэвидом и с Элизабет, как она будет смеяться над таким недоразумением...

– Не сказал бы... – проговорил Карл.

Сколько времени вам потребуется, чтобы пересказать речь Дженни? Мне бы понадобилось больше чем полминуты, а она протараторила все секунд за пятнадцать. И что самое интересное – ее слова воспринимались очень легко.

– Может, пойдем за Томом и Дэвидом? – предложила Дженни.

– Вы договорились встретиться там же, где обычно? – спросил Карл.

– Естественно!

– Ну что, пойдем? – обратился ко мне Карл.

– Тебе виднее. Я не знаю, как лучше.

– Дженни, давай сделаем так, – предложил Карл. – Ты сходи за ними, а я покажу Да... дорогу к нашему месту Элизабет.

– Конечно, я бы предпочла, чтобы ты пошел со мной, но раз ты так считаешь – наверное, будет лучше, наверное, даже быстрее, ведь Элизабет не знает дороги и может заблудиться, я пойду?

– Да, – ответил Карл. – Конечно, иди.

– Я постараюсь как можно быстрее!

– Умоляю, ни с кем не разговаривай!

– Почему?

Карл запнулся. Сказать, что она невозможная болтушка, у него язык не поворачивался. И поэтому он придумал другую причину:

– Я за тебя переживаю. Нельзя разговаривать с незнакомцами.

– Как это мило, Карл! – воскликнула Дженни, а Карл тихо чертыхнулся. – Не волнуйся, я с ними и так не разговариваю, вот, допустим, столкнувшись с тобой на улице, я бы поздоровалась, но встретившись с Элизабет, я бы с ней не заговорила, хотя сейчас – уже заговорила бы, раз ты нас познакомил, конечно, она милая девушка, но была бы незнакомкой – я бы молчала, а теперь я ее знаю и могу разговаривать с ней, но если посмотреть на это с другой стороны, ты можешь познакомить меня со всеми на свете, хотя такого не может быть, но это не значит, что все не могут быть преступниками...

– Дженни! – не выдержал Карл. – Иди за Дэвидом и Томом.

– Ах, да! Совсем забылась! Ты меня заболтал! Вот чем ты мне всегда нравился, так тем, что с тобой есть о чем поговорить, все, уйду, но скоро встретимся!

Она ушла. Я посмотрела на Карла: он улыбался Дженни вслед. Потом перевел взгляд на меня и спросил:

– Ну разве она не прелесть?

Конечно, многим покажется, что такой человек, как Дженни, должен всех раздражать, но это не так. В ней есть что-то очень привлекательное. Может, сыграла роль моя любовь к детям: Дженни, несмотря на возраст, была совсем как ребенок.

– Да, она милая. Но если вся твоя компания...

– Нет-нет, ты не представляешь, насколько мы разные.

Карл махнул рукой, предлагая выйти на тропинку.

– Теперь ты меня пугаешь. Это что, секта или тайный кружок?

Карл ухмыльнулся и подал мне руку, помогая переступить лужу. Его забота так мила. За мной никто раньше не ухаживал. Помочь девушке переступить лужу – так просто, но Карл делал это особо нежно и в свое удовольствие. Ему нравилось быть деликатным и внимательным. Не могу скрыть, что Карл со многими девушками был заботлив: миссис Норрис прекрасная мать и правильно воспитала сына. Но возможно, мне просто хотелось, чтобы ко мне Карл относился с особым вниманием. А может, так оно и было.

– Нет, – ответил он. – Просто как братья. Мы невероятно

разные, может, именно поэтому сдружились.

– Тогда расскажи мне вкратце о характере каждого. Какие они, твои друзья?

– Ну, про Тома, нашего поэта, ты уже слышала. Есть Дэвид – гений, мудрец и бунтарь. Есть Пэт – веселая девчонка. Есть Дженни... тут все понятно. Есть Карл – безумно красивый и неподражаемый джентльмен!

– Никогда не думала, что «безумно красивый» – это характер.

Карл притворился, что смеется:

– Молодец, все же задела! А если серьезно, то он наглый нахал, к тому же урод.

– Нет, – отрезала я. – Это преувеличение!

Беседуя, мы перешли на другую сторону парка, более безлюдную. Спустились к красивому озеру. На горизонте виднелись небольшие холмы, над которыми клубились облака. По берегам росли плакучие ивы и дубы. Они создавали предлесок, который незаметно переходил в густой лес.

Вскоре мы подошли к дереву. В него, видимо, попадала молния: ствол надломился и наклонился к озеру, на месте надлома древесина обуглилась.

Карл уселся на дерево, как на собственный диван. А я не могла найти слов. С восхищением смотрела вокруг. Наверное, именно в таких местах писатели и черпают вдохновение, но сказать ничего не могут и поэтому излагают свои чувства на бумаге.

Ничто не нарушало гладь озера. Трудно поверить, что это вода. Я подошла поближе потрогать ее. Вода оказалась холодной, обожгла руки. Я сидела на корточках, вглядываясь в прозрачную воду и смотря на свое отражение. Подняв глаза, я увидела одну из самых прекрасных, пусть низких, но все же гор. Зелень, осыпавшая ее, была синеватой, видимо, из-за солнца.

– Да, – сказал Карл. – Прекрасный вид. Хотя бывает и лучше. Здесь совершенно потрясающие закаты и восходы, хотя я до сих пор не могу уловить разницу.

Карл продолжал говорить, я его слушала и понимала, но куда больше была захвачена прекрасным видом. Именно тогда мне захотелось взяться за чернила и что-нибудь написать. И я даже знаю, что: «Автобиография Даманы Брустер – младшей, или просто Элизабет Тейчер». Именно так и будет называться эта книга. Хотя... Кто знает!

– Странно, их до сих пор нет, – продолжал Карл. – Хотя и неудивительно. Дженни только за смертью посылать...

И все же интересно, почему газетчики оставили нас в покое, когда мы переехали? И когда пошел слух, что меня и маму похоронили? Мучительные вопросы, наверное, еще долго не покинут меня...

– Только я надеюсь, это останется между нами? – спросил Карл. – Да... Элизабет! Ау!

– А? – откликнулась я.

– Ты меня слышала?

– Что именно?

– Неважно, – вздохнув, он махнул рукой. – О чем ты вообще думаешь?

– Все о том же, – ответила я, присаживаясь рядом с Карлом.

– О семье.

– Да.

Тут я почувствовала, что дерево, на котором я сижу, отлично подходит для этого. Провела по нему рукой. Оно оказалось идеально гладким

– Ты что, с друзьями с этого дерева не слезаешь?

На лице Карла засияла необычайно приятная улыбка. Он ответил:

– Да, на нем очень удобно сидеть. Конечно, мы с него слезаем. Просто обычно заранее договариваемся о встрече тут, а когда все соберутся, идем гулять, но поздним вечером, часов с десяти, мы сидим тут и разводим костер. Травим байки, Дэвид играет на гитаре, а Том с Пэт хорошо поют. Порой так даже встречаем рассвет.

– Здорово!

– Романтично.

На это я ничего не ответила.

С пяти до семи лет меня обучали игре на фортепиано и на скрипке. Я хотела заняться и виуэлой например, но отец сказал, не женское это дело. Обидно, как обидно! Восемь лет жизни просто насмарку!

– Сколько сейчас времени? – спросила я. – Что-то есть хочется.

– Полчетвертого, – ответил Карл, вытаскивая из-за пазухи часы. – От отца достались, – пояснил он, протягивая их мне. – Перед смертью отдал.

Я была тронута, что он доверил это мне:

– Хорошо сохранились.

Щелкнул замочек, и часы раскрылись. Под крышечкой на одной стороне я увидела циферблат, а на другой – портрет мужчины, видимо, мистера Норриса.

– Ты больше похож на миссис Норрис, но что-то есть и от отца.

– Все так говорят, – сказал Карл, забирая часы. – А сестра так на него походила! Почему Бог ее забрал, она же была такой маленькой...

– В мире вообще очень мало справедливого. – Я склонила голову и прикусила губу. – Меня он тоже убил, правда, наполовину, зато как следует поиздевался.

Я всмотрелась в глаза Карла. Карл глядел на меня. Наступило молчание. Печальное, неприятное молчание. Но если бы не Карл, то эта пауза была бы куда более печальной и неприятной. Нет, я не влюбилась! Просто впервые встретила человека, которому приятно посмотреть в глаза, которому могу раскрыть душу. Говорят: женской дружбы не бывает, но что делать, если в моей жизни не было ни одного друга, ни парня, ни девушки? В прошлом у меня был только один

лучший друг – названный сын моего крестного. А остальных сложно назвать этим гордым словом.

Послышались чьи-то голоса. Со склона к озеру спускались четыре человека: два парня и две девушки. Я узнала среди них Дженни. Они смеялись, веселились, парни дурачились. Когда они вышли на тропинку, Карл сказал: «Вот они». Эти слова были наполнены теплом и любовью. Карл улыбнулся и слез с дерева, чтобы поприветствовать друзей. Я сделала то же самое. Начались разговоры, Карл пожал руки парням и поцеловал в щеку другую девушку, как и Дженни.

– Привет, – поздоровался с Карлом парень-блондин.

– Привет.

– Как дела? – спросил второй парень.

– Отлично, ты как?

– Так же, а может, даже лучше! Ну, представишь нас?

– С необычайной радостью, – ответил Карл. – Познакомьтесь, – сказал он всем пятерым. – Дэвид Профт, – указал на высокого и мощного парня. – Том Холл, – это оказался блондин. – Дженни Рекс – вы уже знакомы. И конечно, Пэт Уэйс, – кивнул в сторону девчонки с каштановыми волосами. – А эта девушка недавно поселилась у нас в общежитии, ее зовут... зовут...

Похоже, Карл забыл мой псевдоним и сделал вид, будто хочет, чтобы они сами угадали.

– Хватит, Карл, не тяни, – попросил Том.

– Ее зовут...

– Элизабет! – не выдержала Дженни.

– Точно! – вспомнил Карл.

– Приятно познакомиться, – сказал Дэвид.

– Привет, – шепотом проговорила Пэт, усаживаясь на дереве.

– Для меня честь, – сказал Том, странно на меня смотря.

– Том, ты что, уже влюбился? – спросил Дэвид шутливо, на что-то намекая.

– Брат, – сказал Карл, обняв его за плечи, – что-то ты быстро...

– А, он может, – добавила Пэт.

– Все вы одинаковы, – недовольно проговорил Том. – Я просто наслаждаюсь женской красотой.

– Да ладно, – сказала Пэт, – мы понимаем. Мы же друзья.

Эта фраза явно была с подоплекой. Но тайный смысл ее я узнала позже.

– И ты за них?! Куда идти, где спастись?

К этому моменту все уже сидели на дереве, судя по всему, каждый на своем месте. Я не особо переживала, что мне негде сесть: поваленное дерево образовало полукруг, а в продолжение этого круга стояли скамейки. Земля в центре была черной; по всей видимости, здесь постоянно разводили костер.

– Расскажи нам о себе, – предложил Дэвид.

– Опять?! – с отчаянием вырвалось у меня. – Сколько я уже о себе рассказывала...

– Но не нам? – вкрадчиво спросила Пэт.

– Это правда, такого вы бы не забыли.

Честно сказать поведение, голос и сарказм Пэт меня немного возмутили, но я быстро успокоилась.

– Тем более, – сказал Том нежным голосом, – чувствует-ся, у тебя есть интересная история. Расскажи о себе, а мы расскажем о себе. Я чувствую, что нам надо познакомиться ближе...

– Я кстати, немного о ней знаю! – вспомнила Дженни. – Могу рассказать!

Выражения лиц у друзей поменялось, будто они услышали свой смертный приговор. Они сразу смекнули, что срочно надо что-то делать.

– Когда мы с Пэт пошли за вами, – начала Дженни...

– Нет! – крикнули все хором.

Дженни не смогла продолжить. Она немного обиделась, и Карл решил выкрутиться:

– Понимаешь, гораздо интереснее будет, если Да... Элизабет сама расскажет свою историю. Понимаешь?

– Хорошо.

Я поняла, что мне не отвертеться. Тем более что все молча умоляли меня спасти их от трещотки Дженни.

– Меня зовут Элизабет Тейчер. И я рада с вами познакомиться, много о вас слышала.

Я начала привычно врать. Все друзья внимательно и серьезно меня слушали, конечно, не считая Карла: один он си-

дел и втайне усмехался. Я закончила рассказ. В мою сторону посыпались похвалы. Любопытно, что бы случилось, расскажи я правду? Что я случайно убила охранника? Что сбежала из приюта? Вдобавок ко всему – что я графиня? Вот это действительно история, достойная рассказа! Какой сюжет!

Компания оказалась чудесная. Они любили, ценили и хорошо знали друг друга. Они смеялись, болтали, делились переживаниями и могли хорошо поддержать в тяжелом положении. Благодаря их дружелюбию или моей разговорчивости, которая прорезалась впервые с момента смерти отца, я быстро нашла с ними общий язык.

Расскажу немного о каждом.

Главным в компании был Дэвид. Карл – словно его заместитель. А Том не мог, да и не хотел быть лидером. Дженни – веселый клоун, который всех умилял. А Пэт – безудержная девчонка, которая меня частенько раздражала. Однако по многим причинам она была в этой компании.

Дэвиду двадцать один год. Он высокий парень, добрый, веселый и верный, а еще – очень красивый и сильный. У него прямые русые волосы, серые глаза, родинка над правой бровью. Девушки на Дэвиде так и висли. Частенько дрался: даже остались шрамы над левой бровью и верхней губой. Но шрамы украшают мужчину. Со временем мы очень сблизились, стали лучшими друзьями. Из всех моих знакомых Дэвида я уважала больше всех остальных. У нас ни разу не возникало романтической тяги, и это помогло нам стать настолько

близкими. Дэвид из тех, кто никогда не оставит друга в беде. Всегда защитит, поможет, подскажет.

Дженни семнадцать лет, она среднего роста, немного худенькая, невероятно привлекательная брюнетка с каре-зелеными глазами. Очень милая и дружелюбная, похожа на взрослого ребенка. Невероятная болтушка – но никогда не выдавала тайн. Привлекала многих парней, но те постоянно сбегали от нее. Дженни, влюбленная в Дэвида, пыталась скрывать это, но неумело. Тот не мог ответить взаимностью, потому что относился к ней, как к младшей сестре.

Пэт тогда было восемнадцать. Она полная противоположность Дженни. Красивое тело, каштановые волосы, зеленые глаза – красавица. Парни вокруг нее так и вились. Но на серьезные отношения непостоянная и беспринципная Пэт неспособна. Обманула даже Карла. Нехороший человек. Меня она сразу невзлюбила, потому что увидела во мне соперницу. Но Пэт была верна своим друзьям, и без нее эта компания стала бы другой. Она словно оппозиция – мнение с другой стороны. Строптивая Пэт очень часто блистала мудрыми мыслями, к которым прислушивались. Ну или хотя бы отталкивались.

Тому двадцать лет. Он блондин с синими глазами и правильными чертами лица. О таком мечтает почти каждая девушка. Том, настоящий ловелас, любил поиграть чужими чувствами. Перед его обаянием немногие могли устоять. Но сам влюбиться боялся, а когда это происходило, совер-

шенно терял покой и страдал. Том – отличный поэт, писатель, рассказчик, часто посвящал стихи любимым девушкам, писал песни и исполнял их.

Карл – мой лучший друг, а может, даже что-то большее. У него есть все качества, необходимые другу, любовнику, приятелю, врагу, идеальному человеку, и парочка недостатков.

Подружиться с компанией Карла было очень приятно и лестно.

Весь день мы сидели и просто болтали. Когда начало вечереть, Карл вспомнил, что ему завтра на работу:

– Ладно, я пойду. Элизабет, ты со мной или посидишь еще?

– Дороги до постоянного двора я сама не найду, так что – с тобой.

Дэвид оскорбился:

– Думаешь, мы тебя не проводим?

– Я бы с радостью осталась, но сегодня был такой тяжелый день, что я просто валюсь с ног.

Я кое-как поднялась и посмотрела Карлу в глаза. Он усмехнулся. Почему? До сих пор не знаю.

– Мы пошли, – сказал Карл, – спокойной ночи. Счастливо оставаться.

– До свидания.

– До свидания, – сказала я, – рада познакомиться.

– Да, мы тоже!

– Ты мне начала нравиться, – добавил Том, как будто это в порядке вещей.

– Спасибо, – ответила я, – ты тоже очень мил.

Я, как всегда, пошутила, и все улыбнулись. Надеюсь, не из вежливости.

Весенняя ночь была на удивление теплой и тихой. Все жители Лондона давно легли спать, только немногие, как мы с Карлом, продолжали прогуливаться под чистым звездным небом. Мы шли дворами, шли молча, почти не разговаривая, но весь путь, я чувствовала, что Норриса разрывает от вопросов и мыслей. Какое-то время я молчала, но когда мы вышли на главную улицу, я легко улыбнулась и сказала:

– О чем ты хочешь у меня спросить?

Карл посмотрел на меня. Его взгляд меня окутал теплом. Как же волшебен был тот момент, мгновение взгляда! Он тоже улыбнулся и не стал прикидываться, что я ошибаюсь:

– Из-за работы, я иногда проезжаю в краях твоего графства. Оно почти безлюдно... Почему?

Мне был приятен этот вопрос, поэтому я с удовольствием и ностальгией отвечала на него:

– Мой титул достаточно древний. Семейное древо ведется века с 13... Но достопочтенными предками мы долго не обладали. Когда папа умер, я была совсем маленькой, а мое глубокое погружение в историю фамилии планировалось на момент когда я стану постарше. Поэтому не могу рассказать тебе всего, как и почему оно сложилось. В памя-

ти остались осколки, которые я собирала в единую картину в приюте... Но этого мало. Я даже не знаю было ли графство больше или меньше. Но кое-что знаю точно. Мой прадед сделал мой титул уважаемым. Наше графство достаточно большое, но нам очень не повезло, что земли практически не плодоносят. И поэтому там проживают так мало семей. Основная их деятельность: мед, да эль... Прадед с малых лет мечтал о драгоценностях, хотел быть богатым и уважаемым пэром!

Я смущенно улыбнулась Карлу, он ответил взаимностью. Норрис слушал меня очень внимательно.

– В нем была жилка и именно он сделал из титула Брустеров, то что мы сегодня знаем о нем. Прадед понял, что на этой земле не заработать и даже не прокормиться. Но осознал очевидное преимущество – близость к Лондону. Познакомился со влиятельными лордами и начал сдавать им в аренду землю под их нужды. Заработал денег, немного авторитета. И как-то он добился того, что само королевство стало арендовать земли нашего графства под военные полигоны, стрельбища и другие базы. Так как населения мало, а мы жили в самом начале границы, никто никому не мешал.

– А у вас была просто земля? Без болот...? Рек?

– Река есть. Болота, наверное, тоже. Но в основном равнины и лес. Таким образом прадед завел влиятельных друзей и деньги в семью пошли потоком. Даже делать ничего не приходилось. Папа передавал мне слова деда, что имен-

но это – безделье, и повлияло на решение прадеда заняться ювелирным делом. Так все и произошло. По крайней мере, то, что я знаю.

– Это потрясающе, – сдержанно восхищался Карл.

– Да, – согласилась я. – Но хочется узнать больше.

– Узнаешь! И продолжишь семейное древо.

Я благодарно посмотрел на Карла. Нам было что сказать друг другу еще, но мы довольно сильно устали, нас клонило в сон. И не хотели нарушать ночную тишину. Я радовалась, что иду с Карлом, и готова была идти и идти, пока не умру от упадка сил, но лишь бы с ним.

Мы подошли к общежитию. Я и радовалась (наконец посплю!), и огорчалась (придется прощаться с Карлом).

– Ну вот, мы пришли, – сказал он.

– Почему столько скорби?

– Да так, ничего.

Мы прошли мимо стойки, и Карл направился дальше, к лестнице.

– Ты проводишь меня до третьего этажа?

– Я провожу тебя до твоей комнаты.

Приятно услышать. Но зачем ему это?

– Так ты идешь? – спросил Карл, указывая на лестницу.

Я ничего не ответила. Проходя мимо Карла, я стрельнула в него глазками. Никогда не флиртвала, разве что в детстве. Но тогда это была игра, а теперь она стала удовольствием.

Комнату, видимо, заперла миссис Норрис. Я открыла за-

мок и вошла.

– Я бы тебя пригласила, но понимаю, что это глупо. Ничего не могу предложить.

– Если бы ты меня пригласила, ничего не предлагая, я бы все равно зашел.

– Тогда милости прошу!

– Я бы с радостью, но не могу. Мне вставать через шесть часов. Работа.

– И сколько работать?

– До одиннадцати вечера.

– Кошмар! Как мне тебя жаль!

– Да ладно. Привык.

Я понимающе кивнула.

– Пойду я спать, – сказал Карл, нежно смотря на меня. – Сегодня был отличный день. Спасибо тебе.

– Тебе смешно, а я уже думала о самоубийстве!

– Ты что, с ума сошла? – Карл повысил голос. – Даже не смей шутить так! Подумай о тех, кто тебя любит.

– Не надо кричать! Таких людей нет.

– Я бы так не сказал.

Я посмотрела на него с обидой.

– Прости, Дамана, – извинился он ласково, – не знаю, что на меня нашло. Но целая Англия, не зная о тебе, тебя любит. Я уж не говорю о тех, кто тебя знает.

– Спасибо. Спасибо за все. За помощь и поддержку. Тебе и миссис Норрис я безгранично признательна. И с радостью

отплату вам добром!

– Для нас это честь. Ты потрясающий человек.

Карл поклонился.

– Позвольте, – взял мою руку и поцеловал ее. – Спокойной ночи, миледи Брустер, прекраснейших Вам снов.

– Спокойной ночи, Карл Норрис. Но сон будет прекрасным, если в нем я увижу Вас.

– Безгранично лестно слышать подобные слова от Вас, до-стопочтенная графиня...

Мы улыбнулись. Карл отошел чуть назад и помахал мне рукой, я ответила тем же и медленно закрыла дверь. Да! Таких людей, как Карл, я еще не встречала и вряд ли встречу. Эта инсценировка разговора людей из высшего света меня очень умилила.

У зеркала я несколько раз провела рукой по обновленным волосам и улыбнулась. Все-таки волосы у меня отцовские. Сняла с полки портрет семьи, пару минут рассматривала отца и мать. К усталости прибавилась еще и грусть. Ноги стали тяжелыми, будто каменными. Легла на кровать – и моментально забылась. Никогда так быстро не засыпала. Слава богу, что я заранее задула свечи.

Считаю нужным подробнее описать постоялый двор. На первом этаже находилась прихожая со стойкой, прачечная, гостиная, совмещенная со столовой, кухня и спальни Норрисов, библиотека. На втором и третьем этажах квартирки, рассчитанные на одного, двоих или троих постояльцев,

располагались одинаково. На каждом этаже была общая кухня.

Моя комната оказалась больше, чем спальни в квартирах, потому что она предназначалась и для обедов. Она мне нравилась больше всего.

Миссис Норрис сдавала номера не только для постоянного жительство, но и тем, кто останавливался на время. Каждый номер был обозначен счастливым или знаковым числом. Мой, например, 33 – возраст Христа. Вот только мне это не льстило.

31 марта 1770 года. Вторник

Ох, как приятно просыпаться от теплого солнечного света и от пения птиц за окном! Странно: столько времени прошло, а я помню почти каждое утро, день, вечер и ночь в этом доме.

Я нежилась в кровати и размышляла о жизни. В ней было всякое: смерть, радость, грусть, верность, предательство, любовь и ненависть. Я получила важный урок: любой может добиться, чего хочет. И главное – не выдержка, а принципы, гордость и расчетливость.

Я помню, когда отец умирал, он был уже почти на последнем издыхании и сказал, чтобы меня провели к нему, и попросил всех выйти. В комнате остались мы вдвоем. Оспа очень заразна, поэтому мне запретили приближаться к отцу. Я стояла на расстоянии десяти футов и боролась с желанием побежать к папе и обнять его! Меня останавливал только разум, а еще – мамин и отцовский запрет... Да и, чего крикнуть душой... Я не брезговала им, но боялась, ведь над папой висел дух смерти. Его лицо покрывала сетчатая ткань, а на руках были надеты перчатки. Он открыл глаза и, когда увидел меня, улыбнулся:

– Здравствуй, ангел!

– Папочка, я не хочу, чтобы ты умирал! – проговорила я, обливаясь слезами.

– Я буду стараться ради тебя и ради твоей мамы. Я очень люблю тебя, ангел мой.

– Я тоже тебя люблю!

– Запомни, ты моя дочь, и ты продолжишь наш род. Именно ты займешь мое место, и никто другой!

Голос отца был очень слабым и сиплым. Видно было, что он с огромной болью произносит слова, которые я запомню навсегда. Я смотрела на папу и хотела отдать жизнь за него. Слезы из моих глаз лились рекою, мне не хотелось жить, и я никак не хотела сживаться со смертью:

– Папа, я сама не смогу, одна я не справлюсь, ты мне нужен, не уходи от меня!!! Я хочу, чтобы ты увидел меня в красивом платье, как у мамы, на балу. И чтобы ты увидел ответные реверансы!

– Что бы со мной ни случилось – знай, я всегда буду тебя видеть и тобой гордиться.

Тут отец истошно закашлял и побледнел еще больше.

– Отец, мне страшно, я боюсь!

– Нет, не смей бояться, ты должна быть сильной и справедливой. Я так жалею, что не увижу тебя взрослой, но я уже бесконечно горд тобой! Ты так юна, но так умна! Я хочу, чтобы ты мне кое-что пообещала!

– Что? Я все сделаю!

– Верь тем, кому верю я! И никогда... никогда не забывай, кто ты!

– Обещаю.

– И запомни, ты должна всегда быть сильной духовно... морально...

– Но как?!

– Духовная борьба... Надо любить жизнь, а не ее смысл... Доведи до конца... начатое мною... люблю тебя...

Отец глубоко вдохнул и из последних сил крикнул:

– Милли!..

Именно тогда я поняла, что больше не смогу упасть в объятия отца! Я почувствовала его боль... Мне показалось, что моя душа сейчас вылетит из тела. Пусть слезы ослепили меня, но все же я рванулась к постели умирающего отца... Но в комнату влетела мама, две гувернантки, дворецкий и несколько верных коллег отца. Может быть, даже король, мне кажется, я его видела. Мне не дали сказать папе «прощай». Один из мужчин схватил меня и на руках вынес из комнаты. Мучительная боль и страх криком вырывались из меня.

– Уведите дочь... – проговорил папа.

Но я хотела остаться, поэтому вырывалась и кричала. А мужчина, который меня вынес из комнаты, в коридоре прижал меня к груди... На эти объятия я ответила, не переставая плакать.

Восемь лет назад отец умер. И сейчас я надеюсь, что оправдала его надежды и не нарушила данное ему обещание. Я хорошо усвоила последний урок отца: борьба – естественный путь к силе. И вот я борюсь всю жизнь и даже после

смерти.

Я вспомнила о смерти отца прекрасным утром, лежа в уютной кровати. Расстроилась? Да. Но я набралась воинственности и приготовилась к любым поворотам судьбы. Хотя этот день оказался спокойным.

Спустилась на первый этаж, я услышала голоса. В гостиной я увидела всех детей, Чарли, миссис Норрис и Колин Ричардс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.